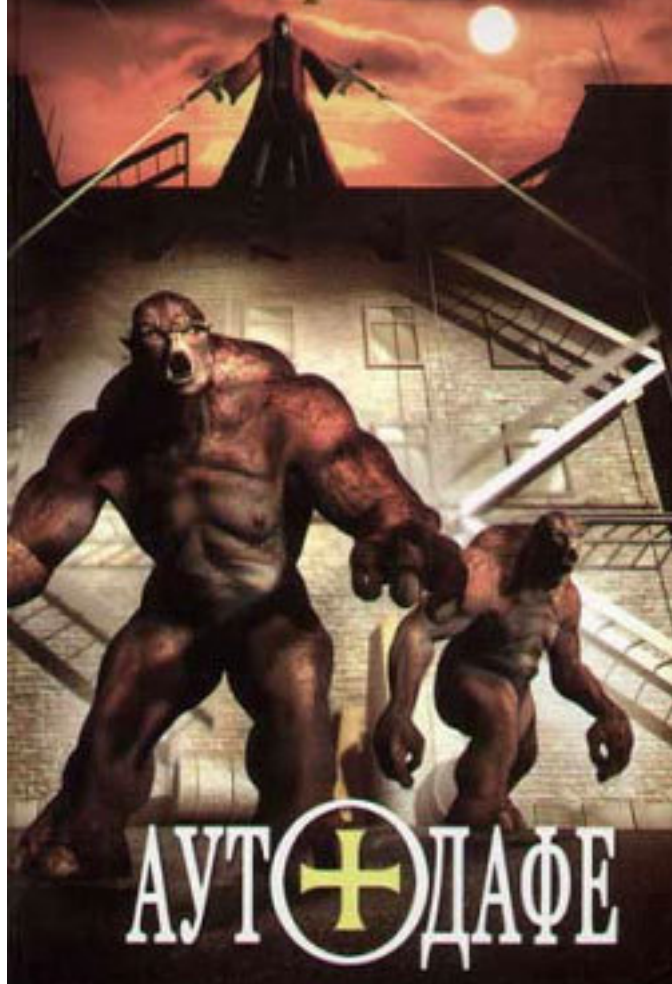

Виктор ТОЧИНОВ

АУТОДАФЕ

Виктор Павлович Точинов

Аутодафе

Серия «Новая инквизиция», книга 2

OCR Fenzin, вычитка – i_no_k (проект вычитки книг на Альдебаране)

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=130662

Точинов В. Аутодафе: Лениздат; СПб.; 2005

ISBN 5-289-02212-0

Аннотация

Много столетий живут они рядом с нами – морфанты, наполовину люди, наполовину звери. Много столетий охотятся за ними солдаты ИНКВИЗИЦИИ. Но когда в долгой битве с врагом пользуешься его методами – трудно в конце концов понять, где свои, где чужие...

Пробил час последней схватки, и для жалости нет места – ни к себе, ни к врагам. И те, кому суждено выжить, поймут: любое АУТОДАФЕ есть акт веры, акт любви, акт надежды...

Содержание

ПРОЛОГ	4
Дела минувших дней – I	4
Часть первая	16
Глава 1	16
Глава 2	45
Дела минувших дней – II	80
Глава 3	93
Глава 4	114
Конец ознакомительного фрагмента.	116

Виктор Точинов

Аутодафе

ПРОЛОГ

Дела минувших дней – I **Кукушонок.**

Подмосковье, лето-осень 1975 года

Битое стекло похрустывало под подошвами. Усыпавшие пол стреляные гильзы сплющивались почти бесшумно. После оглушительных очередей и двух взрывов казалось, что тишина стоит мертвая.

Существо, лишь отдаленно похожее на человека, опасно забилося в угол. Напряженно прислушивалось к звукам, доносящимся из соседнего помещения. Происходило нечто, непонятное его крохотному мозгу. Существо давно (или недавно, счета времени для него не существовало) разобралось, что двуногие бывают разные. Были хорошие люди в белых халатах, приносявшие еду. Были похожие на них, но

плохие – те вытворяли всякие мерзкие штуки, и от них стоило ожидать любой гадости... Были и третьи – в странных коротких халатах темных расцветок, порой увешанных смешными блестящими побрякушками... От этих пользы никакой, но и вреда тоже – приходили, смотрели на существо сквозь толстое стекло, слушали белохалатников, кивали, изредка что-то говорили сами...

Сегодня налаженное, по кругу идущее бытие рухнуло. Никогда не выключавшийся яркий свет погас, глаза существа с трудом приспособились к полумраку аварийного освещения. Потом был грохот – оглушительный, страшный, и вспышки огня – тоже пугающие... Мимо пробежали люди – незнакомые, вообще без халатов, с невиданным железом в руках, с телами, усеянными зелеными пятнами (обтягивающий камуфляж существо увидело впервые). Потом один незнакомый направил свою железку на него, и снова по глазам ударили вспышки, а по ушам грохот, толстое стекло покрылось трещинами и не выдержало напора испуганного пленника, не знающего, что делать с неожиданной свободой..

Существо притаилось в дальнем закутке. Охранник, стрелявший в него сквозь прозрачную стенку вольера, лежал с нелепо вывернутой шеей – существо убило его мимоходом, не понимая, что убивает...

Совсем рядом, за стенкой, прозвучал одиночный выстрел. Затем раздался голос:

– Беркут, я Сапсан. Второй ярус – еще трое холодных, од-

ного доправили. И один из *этих*... По-моему, свои пристрелили.

* * *

– Водоплавающий какой-то... – протянул один из бойцов без удивления – способность удивляться атрофировалась на-чисто: за считанные минуты им пришлось увидеть немало удивительного, странного и омерзительного...

Сапсан кивнул, не тратя время на комментарии, – время операции просчитано ювелирно, ни секунды лишней. Скомандовал коротко:

– Выносите к машинам.

Двое оперативников без труда подхватили тельце маленького и тщедушного как бы человечка, торопливо пошагали к выходу. Одна рука мертвеца свесилась, волочилась по полу – было хорошо видно, что пальцы соединены полупрозрачными перепонками.

Три других тела – охранников – пришельцев не заинтересовали. Сапсан бросил взгляд на план лабораторного корпуса, кивнул оставшемуся с ним бойцу:

– Пошли. Последнее помещение...

Лучи фонарей заметались по стенам, по лабораторным столам, заставленным приборами, – и высветили сжавшееся в дальнем углу существо.

В ту же секунду оно вскочило на ноги, объятые диким

страхом. И бросилось бежать. Дорогу преграждали страшные, бесконечно опасные пришельцы. Существо понеслось на них, надеясь проскочить...

Два автомата загрохотали одновременно, пули били в упор, в грудь, в живот и должны были остановить, опрокинуть существо – но поначалу не останавливали; боли оно не ощущало, не было к тому способно, просто неожиданно почувствовало, что ноги подгибаются, не держат, тяжело рухнуло на спину, грохочущие вспышки надвинулись, заполнив собой весь мир, слившись в сплошное море огня – и оно утонуло в этом море...

Существо умерло.

– Морфант? – неуверенно предположил оперативник.

– Хрен его знает... – отозвался Сапсан, глядя на огромную, облепленную гипертрофированными мышцами тушу. Ему было не по себе. Когда человекообразная тварь надвинулась почти вплотную и тянула к ним четырехпалые лапы, украшенные когтями-кинжалами, и, казалось, не реагировала на пули, – он был близок к тому, чтобы бросить автомат и удариться в паническое бегство... Ладно, хоть удержался, не опозорился перед подчиненным.

– Уносим? – спросил оперативник.

– Не знаю... В нем центнера три, тащить замаешься. Поглядим, нет ли чего еще интересного.

Оба говорили излишне громко – в ушах до сих пор стоял грохот выстрелов. И Сапсан не сразу услышал звук, совер-

шенно здесь неуместный, – младенческий плач.

Метнулся в угол, разом позабыв про убитого монстра. Дверь – низенькая, неприметная, полуотпахнутая и... не обозначенная на плане. За дверью – помещение, отличающееся от обыкновенной жилой комнаты разве что отсутствием окон и каких-либо мелочей, безделушек, обыкновенных там, где действительно *живут*. Безликая ширпотребовская мебель: стол, кушетка, три стула, двустворчатый шкаф. И детская кроватка, а в ней... Ребенок. На вид – самый обыкновенный человеческий ребенок. Полгода, не старше... Малыш плакал, разбуженный их стрельбой.

* * *

– Десять минут на эвакуацию всего ценного, – отрывисто приказал Беркут в микрофон.

Он не добавил, что через десять минут сработает механизм ликвидации объекта, – подчиненные и без того знали это из вводной информации, полученной перед операцией. Затянутые в камуфляж фигуры стремительно мелькали между машинами и главным корпусом. Голос кого-то невидимого громко отсчитывал: «Семь минут сорок секунд... Семь минут тридцать секунд...»

Рядом с Беркутом, не принимая участие в общей суете, стоял лишь Сапсан. Неловко держал завернутый в одеяло сверток. Сказал, перекрывая детский плач:

– Если бурильщики многого тут недосчитаются – землю ведь носом рыть будут, на три метра вглубь... Всю страну перевернут.

– Нечего считать будет, – ответил Беркут. – Тут у них система самоликвидации та ещё, в подвалах столько термита – ни камня, ни металла не останется, всё в один монолит сплавится...

На секунду задумался, стоит ли подкинуть подчиненному еще немного информации, которой полевому агенту знать не положено. И решил: стоит. Стремительно делавший карьеру суб-координатор Беркут имел достаточно поклонников среди оперативного состава – и Сапсан был из их числа. Даже псевдоним выбрал явно в подражание кумиру. Таких надо гладить по шерстке, считал Беркут, и внушать ощущение *по-священности*, сопричастности тайнам...

Он добавил доверительно, понизив голос:

– Дежурный на оперативном пульте столицы – наша креатура. Гипнограмму накладывали при помощи лучших технарей. Помудрит немного товарищ майор с аппаратурой – и получится, что полыхнуло почти сразу, через пару минут после атаки: дескать, напавшие ничего ни вывезти, ни даже понять не успели бы... Учти – информация закрытая, даже для своих.

– Понятно... – протянул Сапсан с ноткой восхищения. – После такой операции прямая дорога на повышение Координатора дадут, не меньше...

– Возможно, – сухо ответил Беркут. Он знал, что наград за совершенное сегодня ждать не приходится... Шумными силовыми акциями не выдвинешься: бегать и стрелять – большого ума не надо. Повышение наверняка ждет человека, без внешних эффектов провернувшего вторую закулисную операцию, которая создаст у двух-трех очень высоко сидящих людей убеждение, что за нападением на сверхсекретную лабораторию КГБ стоят люди Николая Анисимовича Щелокова – генерал-лейтенанта и министра внутренних дел СССР...

* * *

«Сейчас он скажет, что младенца надо уничтожить... – думал Семаго-младший. – И докажет мне как дважды два, что прав, что не имеет права рисковать сотнями и тысячами жизней ради того, чтобы жил один маленький человек, который даже и не поймет, что его убивают... Добрый дядя в белом халате сделает еще один укольчик, совсем не больно, как комарик укусит, – и всё...»

Но обер-инквизитор ничего такого не говорил. Продолжал терзать вопросами начальника Трех Китов, словно хотел, чтобы тот сам произнес роковые слова.

– Вы постоянно пеняете оперативникам филиалов и полевым агентам, – тяжело ронял слова Юзеф. – Дескать, материал чаще всего поступает в состоянии, исключающем полноценные глубокие исследования. Мол, доставьте нам не

изуродованные останки, а живого теньяника, ликантропа, некровампира, уж мы тогда... Доставили. Провели *аутодафе* чуть ли не в белых перчатках... И что? Какой прок от всей вашей науки, сжирающей половину средств Конторы? Если вы не можете даже сказать, *что* перед вами... Или кто... Кто это, Илья? Кто?!

Он указал обличающим жестом на детскую кроватку – особую, со стенками из толстого пуленепробиваемого стекла, облепленную всевозможными приборами и оборудованную системой экстренной ликвидации. Обитатель кроватки отпрянул от резкого движения Юзефа, не устоял, шлепнулся на попку, сморщил личико, словно собирался расплакаться. Но передумал: с трудом вновь поднялся на ноги и продолжил крайне увлекательное занятие – пытался дотянуться до какого-то хитрого датчика...

– Не надо идеализировать науку, – огрызнулся Семаго. – Всеведением отличается лишь Господь Бог, в которого ты не веришь... И чудеса способен творить лишь Он. Я не утверждаю, что существуют в принципе не познаваемые вещи. Но нельзя требовать всех тайн мироздания разом, на блюдечке с голубой каемочкой... А именно этого, похоже, в последние годы ждут от всей науки, не только от Китов. Вперед, к тайнам Вселенной! Вперед, к загадкам микромира! Засеем мерзлоту яблонями и кукурузой! Да мне...

Трах! – кулак обер-инквизитора грохнул по лабораторному столу. Илья Модестович Семаго осекся. Малыш на сей

раз заплакал...

– Ты мне зубы не заговаривай, – тихо и зловеще сказал Юзеф. – И волюнтаризм не поминай... Отвечай коротко и конкретно: что андроповские орлы сделали с мальчишкой?

– Коротко и конкретно – изменили генетический код. Предположительно – на ранних стадиях деления оплодотворенной яйцеклетки. Каким способом – не знаю. С какой целью – не знаю. За какие именно свойства организма отвечают модифицированные гены – не знаю. Всё. Коротко и конкретно.

– Ружич бы разобрался, – подковырнул обер-инквизитор.

– Сомневаюсь... У него была гениальная интуиция, не спорю. Но порой Константина Аркадьевича заносило не туда. И большинство гипотез Ружича остались гипотезами. Стройными, красивыми – но ничем не подтвержденными. Его идеи о том, что в геном собаки можно «вшить» ген, к примеру, каракатицы и получить на выходе нечто странное, – это, знаешь ли...

Илья Модестович неодобрительно покачал головой, словно не понимал, как взрослые люди могли всерьез воспринимать бредовые построения его покойного коллеги.

Юзеф не стал спорить. Как бы то ни было, главное теоретическое обоснование деятельности и Трех Китов, и всей Конторы принадлежало именно Ружичу. Он и никто иной первым додумался связать геном человека и появление на свет странных тварей, вроде бы ничего общего с людьми не

имеющих.

Ученые-генетики выделили гены, отвечающие за рост, цвет волос и глаз и т.д. и т.п. Но предназначение не менее восьмидесяти процентов генов человека осталось неясным. Вроде бы информация из них никак не использовалась. Ружич предположил: именно эти гены-модификаторы при особых условиях способны вызывать трансформации людей в нечто чуждое... Впрочем, не всегда в опасное.

Ортодоксальные генетики поначалу не спорили с работами Ружича, опубликованными под псевдонимами: да, мол, в генокоде людей прошита вся история их эволюции как вида – от простейшего одноклеточного существа. Известно, что человеческий эмбрион на определенных этапах своего развития имеет и хвостик, и жабры наподобие рыбьих...

Но Ружич пошел дальше. Стал утверждать, что в геноме хомо сапиенса замаскированы латентные гены не только прямых предков человека, но и всех живых существ земного биоценоза. Как ныне здравствующих, так и давно вымерших. Как общеизвестных, так и почитаемых за миф официальной наукой. Самый банальный пример, утверждал Ружич, – свинья. Вроде бы никак в предках человека она не числится. Однако порой случается спонтанная девиация человеческих генов – и рождается ребенок с самым натуральным поросычьим хвостиком. Или со свиным пяточком. Или с двумя рядами сосков – точь-в-точь как у свиноматки.

О том, что порой рождаются и вампиры, и ликантропы, в

открыто напечатанных работах Ружича, естественно, не упоминалось. Но и остального хватило, чтобы ученый мир встал на дыбы. Этак, знаете ли, и до сотворения человека дойти можно – Богом ли, инопланетным ли Высшим Разумом. На доктора биологических наук Милославского (под таким псевдонимом выступал в научных изданиях Ружич) обрушились со всех сторон, Мы сами! Сами зародились в теплом протоокеане, сами развились до нынешнего своего вида. Всё сами! Согласно законам марксистко-ленинской диалектики...

Ружич в бесплодную полемику не втянулся. Но спустя пару лет выделил Т-ген, активизация которого превращала людей в телятников (научный мир, понятно, об этом открытии не узнал).

Потом пришел черед W-гена, гена ликантропии... А потом... Потом Ружич погиб. При обстоятельствах, до сих пор до конца не выясненных.

Теории его, конечно, продолжали и развивали, но... Но Семаго-младший (хотя дело иметь ему приходилось с вещами, куда как нетрадиционными) был приверженцем традиционного пути развития науки: накопить побольше фактов и уж затем выстраивать опирающиеся на них гипотезы. И в битве идей десятилетней давности находился на стороне противников Ружича.

Юзеф – сугубый практик – в научных дискуссиях участия никогда не принимал, терпеливо дожидаясь прикладных ре-

зультатов. Однако сейчас именно ему предстояло решить, что делать с ребенком. С плодом чужих генетических экспериментов. С кукушонком, оказавшимся в гнезде хищных свирепых орлов...

Обер-инквизитор знал, какого приказа ждет от него Семаго. Возможно, будет возражать, но ждет... И выполнит с чувством внутреннего облегчения.

И он сказал неожиданное для руководителя Трех Китов:
– Ребенок будет расти под твоим плотным наблюдением. Не в этой стеклянной клетке, разумеется. Подберу ему бездетную семейную пару, мечтающую о ребенке, наложим папе-маме долгоиграющие гипнограммы... Но рядом всегда должен находиться кто-то из твоих спецов. Из самых лучших...

– Но... Как же... – недоуменно начал Семаго. Предложить ликвидацию ребенка самому у него язык не поворачивался.

– Почему я иду на такой риск? – Юзеф прекрасно понял смысл невысказанного вопроса. – Илья, ты, наверное, не согласишься... Но однажды я не мог, не имел права рисковать. И с тех пор мне часто снятся убитые дети. Иной причины нет.

Семаго-младший не поверил.

Часть первая

АУТОДАФЕ КАК АКТ ВЕРЫ

Непонятно, за что мы клянем инквизицию?
А. И. Солженицын, «Архипелаг ГУЛАГ», ч. 1, гл. 3

Глава 1

ГОРОД ДРЕВНИЙ, ГОРОД ДЛИННЫЙ...

1

Встретить цыганку поутру, едва выйдя из дома, – к чему бы это? Наверняка есть на сей счет какая-нибудь примета. И, сдается, ничего хорошего такая встреча не предвещает. Особенно мне. Особенно сегодня. Хотя цыганка на моем пути попалась нетипичная. Не похожая ни на ухоженных ресторанно-опереточных цыган, ни на чумазых «людей нездешних». И вела себя нестандартно – не предлагала погадать на суженую, не требовала позолотить ручку... Даже не вздымала городскую пыль подолом цветастой юбки – за отсутстви-

ем таковой. Была упакована в стильный брючный костюмчик с бейджем на груди. Но нечто неуловимо восточное в ее облике, иссиня-черные волосы и темно-карие с хитринкой глаза заставили немедленно окрестить подошедшую девушку «цыганкой». Дурную привычку – мгновенно прилеплять прозвища каждому новому объекту – я приобрел после полугода, проведенного в нашем «штрафбате» (иначе говоря – в службе наружного наблюдения).

Цыганка направила на меня длинный, навевавший фрейдистские мысли микрофон, и сказала с обаятельным напором:

– Несколько слов для регионального радио, пожалуйста. Передача «Ярмарка вакансий» проводит опрос населения. Вы не слишком спешите?

Трудно отказать девушке, которая умеет так улыбаться. Но я собрал бы волю в кулак и смог бы. Спешу на работу, дескать. Смог бы, но... Но не сегодня. Сегодня в радость любая отсрочка от ожидающей Голгофы.

Я тоже улыбнулся – поощрительно. Цыганка восприняла улыбку как сигнал к атаке:

– Как вас зовут?

– Сергей.

Фамилия и прочие анкетные данные ее не заинтересовали.

– Скажите, Сергей, вы довольны своей работой?

Ну и вопрос... За пять минувших лет служба в Конторе

вызывала у меня самые разные чувства. А уж сегодня... Ладно, не буду врать ни себе, ни региональному радио.

– Доволен, – заявил я твердо.

– Вы довольны своим служебным положением?

М-да... Звание младшего агента и должность уполномоченного оперативного отдела – не предел карьерных мечтаний, что и говорить. Но если меня сегодня упекут на год в «наружку», то и наш отдел покажется райским местечком. И опять же – кто мешал подать рапорт на поступление в Академию? Никто не мешал. Наоборот, начальство не раз намекало – пиши, поддержим... Да всё как-то не складывалось...

– Доволен, – сказал я, не балуя «Ярмарку» разнообразием ответов.

– Вы довольны своим начальством? – с милой улыбкой резанула по живому девушка.

Я представил Шмеля, изучающего мой покаянный отчет о деле «Детей Сумрака»... И размышляющего, какие меры применить к автору отчета. Вздыхнул:

– Доволен...

Но вот начальство мною... увы...

– А своей зарплатой довольны? – цыганка явно почувствовала слабинку и поспешила нанести удар с другого фланга.

Вопрос не по адресу. Его стоило бы задать моей дражайшей теще, мадам Гришнякавой. Уж она-то высказала бы всё, что думает и о моей зарплате, и о моих умственных и физических способностях, не позволяющих зарабатывать боль-

ше... Заодно присовокупила бы особое мнение о наивной доверчивости собственной дочери Светланы, отвергнувшей многие выгодные партии и связавшейся с таким растяпой... И назло теще я заявил уверенно и твердо:

– Доволен!

Девушка удивленно приподняла бровь. Словно изумилась, как такой всем довольный человек до сих пор жив и на свободе. Спросила без прежнего напора:

– Сергей, вы не хотели бы поменять работу? – Тут уж удивился я:

– По-моему, вопрос излишен – после четырех предыдущих ответов. Нет, не хотел бы.

– Вы хотели бы прожить до ста лет?

Па-а-анятно... Вот вам и региональное радио... Угрозило попасть под очередной виток рекламной кампании «Уральского Чуда». И, сообразив, что в распространители новомодной панацеи я не пригоден, цыганка начала тестировать меня как потенциального покупателя.

– До ста – кто бы отказался? – пожал я плечами, теряя интерес к разговору.

– А сохранить до ста лет потенцию? – Судя по интригующему тону девушки, потенция в столетнем возрасте – мечта любого мужчины.

– Ни к чему, – отрезал я. – Кому интересен столетний дед с этой самой потенцией? Какой-нибудь замшелой восьмидесятилетней бабке?

Цыганка замешкалась. Надо понимать, маркетологи и рекламщики «Чуда» такой поворот беседы не предусмотрели.

– Извините, спешу на работу, – быстро заполнил я возникшую паузу. – Желаю успехов региональному радио.

И торопливо пошагал дальше.

В двухэтажное здание, украшенное неброской солидной вывеской «Уральская инвестиционно-финансовая компания», я вошел с пятиминутным опозданием. Ладно, семь бед – один ответ.

В здании, как вы уже догадались, обитает наша Контора. Солидная вывеска – чистейшей воды дезинформация, финансистов у нас не густо... Знающие люди именуют Контору иначе – «Уральско-Сибирский филиал». Но и они не добавляют, филиал чего именно... Потому что название «Новая Инквизиция» вслух произносить не рекомендуется.

2

Мой напарник и сосед по кабинету Генка Мартынов (иначе говоря – младший агент Мартин) уже сидел за своим рабочим столом и делал вид, что внимательно изучает какой-то документ.

– Опаздываете, сэ-э-э-р! – сообщил он, неудачно пародируя знаменитого дворецкого Бэрримора. Как будто я сам не знаю, что опаздываю...

– А тройка для рассмотрения твоего персонального дела

уже собралась! – продолжил информировать агент Мартин.

Он всегда приходил на работу раньше положенного и все новости умудрялся узнавать первым в отделе.

– Почему тройка? – удивился я. – Мне бы хватило и одного Шмеля, честное слово.

Генка сделал непроницаемое лицо:

– Скоро сам всё узнаешь.

И включил свой раздолбанный двухкассетник. Сторонний человек и слов-то не разобрал бы в затертой до дыр записи, но мы знали их наизусть:

Город древний, город длинный,
Минарет Екатерины,
Даже свод тюрьмы старинной
Здесь положен буквой «Е».
Здесь от века было тяжело,
Здесь пришили Николашку,
И любая помнит башня
О Демидовской семье...

В золотые времена моего школьного детства песенка стала неофициальным гимном нашего города. Но Генка крутил ее каждое – без исключений! – утро отнюдь не оттого, что страдал уральско-республиканским патриотизмом. Лишь как напоминание об одной неприятной истории. Стряслась она несколько лет назад, когда финансирование весьма урезали зато разрешили филиалам Конторы подрабатывать на сторо-

не, по договорам с частными и государственными структурами. И агент Мартин решил проявить инициативу. Тогда как раз шла великая пря вокруг романовских останков: где хоронить? Причислять ли к лику? Да и вообще – подлинны ли?

А Генку осенило: медицинские спецы Трех Китов без проблем, легко и быстро, подтвердят или опровергнут идентичность «Николаши» и всего царского семейства, есть у них методы...

Чем не приработок? Шмель, уже тогда занимавший должность начальника филиала, запретил. Не объясняя причин. Геннадий обозвал его ретроградом, не понимающим рыночной экономики, и – в полном соответствии с уставом – послал рапорт вышестоящему начальству.

Ответ получился быстрым и неадекватным. Можно сказать, асимметричным. Прикатившая из Москвы комиссия два месяца перетряхивала все бывшие дела агента Мартина. И, заодно уж, – личную жизнь.

С тех пор о судьбе последнего самодержца Мартынов не заговаривал ни с кем и ни разу – но каждое его утро начинается с этой песенки... У Генки вообще хватает странностей. Например, таскает в кармане кастет – память о хулиганском детстве. Говорит – сувенир, на счастье...

Я решительно нажал клавишу «СТОП». И спросил о насущном:

– Слушай, что за тройка такая? Ты меня не на пушку бе-

решь часом?

– Уже трепещешь? Правильно делаешь. Во-первых, сам Шмель. Во-вторых, суб-командор, дорогой наш Альберт Иванович...

Он сделал зловещую паузу, чтобы я проникся.

Да уж... Не думал, что моими прегрешениями заинтересуется заместитель начальника Оперативного управления, курирующий наш филиал. Этак дело грозит закончиться не годом в «штрафбате»...

– Может, не по мою душу? – тоскливо предположил я.

– Может быть, может быть... – легко согласился Мартынов. – Прилетел попить водочки со Шмелем, потолковать за жизнь...

– А кто третий? – вспомнил я.

Генка округлил глаза и сообщил таинственным шепотом:

– Во-о-о-т такенная клизма! Трехведерная!

Тьфу... Высказать мнение об уровне юмора агента Мартина помешал телефонный звонок. Трубку я поднял с нехорошим предчувствием – и оно немедленно оправдалось.

– Зайдите ко мне, агент Хантер! – И Шмель дал отбой, не дожидаясь моего ответа.

Когда я уходил, Мартынов вновь запустил свой шлягер всех времен и народов:

Мостовые здесь видали

Марш победы, звон кандалный,

Жены верные рыдали,
Шли на каторгу вослед...

И я поплелся к начальству, как на каторгу. Под канда-
льный звон. Стать полным провидцем барду помешало лишь
отсутствие рыдающей верной Светланки и злорадно улыба-
ющейся мадам Гришнякавой.

3

Трехведерная клизма в кабинете начальника филиала не
обнаружилась. По крайней мере от порога в глаза не бро-
салась. Но и мой непосредственный шеф – начальник опе-
ративного отдела суб-координатор Шаман – в заседании не
участвовал. Тройка оказалась-таки двойкой.

Плохи дела. Шаман мог бы замолвить за меня словечко...
Тем более что санкцию на операцию дал именно он. Хотя –
каюсь, каюсь, каюсь – формулировку «провести профилак-
тические мероприятия» я истолковал более чем вольно.

– Проходите, агент Хантер, присаживайтесь, – ледяным
тоном пригласил Шмель.

Прошел. Присел. Суб-командор изучал меня с откровен-
ным любопытством. Шмель, наоборот, так пристально уста-
вился на раскрытую папку, словно она вместо служебных до-
кументов скрывала от посторонних взглядов журнал «Плей-
бой».

Я тоже изучал Альберта Ивановича, разве что не с таким явным интересом. Всех, кто считает, что столичные суб-командоры – двухметровые мускулистые супермены с саженным разворотом плеч и волевым подбородком, наш куратор разочаровал бы. Роста он был среднего, плечи вполне соответствовали росту. А подбородок... Обычный подбородок. Чисто выбритый, с ямочкой. И глаза, как в том анекдоте, – добрые-добрые.

Пауза затягивалась. Нарушил ее Шмель, оторвавшись наконец от «Плейбоя»:

– Докладывайте, агент Хантер. О вашей последней операции. Все узловые моменты, без мелких подробностей.

Как будто агент Хантер не набивал ему три часа отчет! Самолично, двумя пальцами... Но с начальством у нас спорить не положено.

И я начал докладывать о моем ночном позоре, стараясь излагать суть дела на отборнейшем канцелярите. Как ни странно, но даже самые авантюрные поступки приобретают некую весомость и осмысленность – если облечь их в сухие казенные формулировки.

Рассказал, как два года назад обнаружил в Интернете сайт, где виртуально тусовались эти самые «Дети Сумрака» – изображающие из себя персонажей романчика, довольно популярного среди старшего школьного возраста: «*других*», «*вампиров*», «*магов*» и даже – ха-ха! – «*инквизиторов*». Игра казалась безобидной – но год назад появились тревожные

симптомы. Жившие в крупных городах «другие» начали переходить от виртуального к реальному общению. В том числе и у нас, в Екатеринбурге. Прослушивание разговоров, что вели «Дети Сумрака» в своем местном клубе «666», заставило сделать вывод: кое у кого из ребятишек крыша поехала всерьез. «Инквизиторы», к примеру, вполне конкретно обсуждали, как бы им наказать некую колдунью, нарушающую «великий договор между Светом и Тьмой». «Вампиры» на основании того же договора твердили, что имеют святое право в день совершеннолетия причаститься кровью первой жертвы... Назревала уголовщина.

Вообще-то уголовные преступления в сферу интересов Конторы не входят, но здесь случай был особый. К подобным сборищам внимательно приглядываемся не только мы. Но и наши противники – люди, всерьез практикующие кровавые мистические ритуалы. Приглядываются – и зачастую рекрутируют новых адептов...

Короче говоря, Шаман дал добро на профилактическую операцию. Спланировал я ее с размахом, что и говорить. И в случае успеха пожал бы заслуженные лавры. Но что выросло, то выросло... Никак не лавры.

Когда мой скорбный доклад коснулся технического обеспечения операции, суб-командор оживился, начал задавать вопросы.

Я тоскливо поведал, как накануне профессионального праздника «Сумрачных» (Вальпургиевой ночи) в их клубе

негласно и незаметно была размещена необходимая аппаратура: голографический проектор, мощные динамики, инфра-звуковой генератор... И даже генератор запахов.

Одним из номеров праздничной шоу-программы у ребятишек числилось вызывание «Духа Бездны». Достаточно дилетантское вызывание – пресловутый дух объявился бы всего лишь в качестве замогильного голоса...

В этот момент и должен был сработать *мой* сюрприз. Настоящая, без дураков, Тварь из Бездны. Инфразвук и сам по себе наводит тоскливые эмоции – подавленность, страх, ожидание чего-то жуткого... А уж голограмма и прочие задуманные спецэффекты... Соплякам предстояло наложить полные штаны. Отнюдь не в переносном смысле – в состав газа, призванного изобразить «адское зловоние», входил и компонент, мгновенно действующий как сильнейшее слабительное. Я рассчитывал, что у ребятишек после *такого* надолго пропадет охота к сумрачным играм. Для верности с главным отморозком – «верховным магом Деменсисом» – и еще с парой-тройкой самых отпетых должны были чуть позже поработать наши суггесторы...

Всё рухнуло самым позорным образом.

В самом начале моей инсценировки, едва лишь заработавшие приборы проявили себя, – в клубе «Сумрачных» обрубилось электричество...

Тут Шмель не удержался – наябедничал, сколько стоила разгромленная и частично похищенная юными вандалами

аппаратура.

– Неужели вы не предусмотрели подобный вариант, агент Хантер? – неодобрительно покачал головой Альберт Иванович.

Я изобразил смущенное раскаяние. Или покаянное смущение. Что толку теперь оправдываться... Предусмотрел, понятное дело, и со стороны подстанции никаких отключений ждать не приходилось. Самодеятельность проявил начальник местного ЖЭКа – отреагировал на жалобы тревожимых шумом жильцов и обесточил клуб ровно в полночь. Вот уж воистину услужливый дурак...

Вновь повисло тяжелое молчание. Начальники обменялись полными потаенного смысла взглядами. Я же занимался печальной арифметикой: вычислял, сколько лет мне придется рассчитываться с Конторой за канувшую в Бездну аппаратуру... Цифра получалась неутешительная. Если, конечно, суб-командор не примет решение оставить агента Хантера вообще без жалования – работающим за паёк и спецодежду.

– Ну что же, агент Хантер, – заговорил наконец суб-командор. – Я считаю, что...

Он многозначительно замолчал. Я затаил дыхание.

4

– Я считаю, что операцию «Дети» можно было бы вклю-

чать в учебники... если бы она увенчалась успехом, – сказал Альберт Иванович. – Но она провалилась. Вопрос: что теперь делать?

Вопрос глобальный, с лету не ответишь... Но я попытался, предчувствуя, что сейчас прозвучит второй классический вопрос: «Кто виноват?» – причем с заранее известным ответом. Заодно стоит проверить, так ли страшен наш куратор, как его малюют...

– Может, скорректируем финал для учебников? – предложил я с самым невинным видом. – Дескать, всё закончилось по плану, как и было задумано. Учебники истории, например, именно так и пишут.

Ох, зря... Суб-командор ни слова не ответил на безответственное предложение, но его тяжелый, давящий взгляд подействовал лучше любых гневных тирад. «Тяжелый» и «давящий» в данном контексте отнюдь не образные эпитеты – я физически ощутил давление и покалывание в висках. Вопреки всем установлениям Конторы Альберт Иванович демонстративно попытался применить к сотруднику суггестию... Недаром говорится, что уставы пишут для подчиненных.

Впрочем, лишь попытался. Внешние симптомы быстро исчезли. А Шмель торопливо вступил в разговор:

– Принято решение по вашему делу, агент Хантер. Вы назначаетесь резидентом в город Лесогорск.

Я взглянул на карту, украшавшую стену кабинета. Название города ничего не говорило. Значит, какая-то тьмута-

ракань у черта на куличках, резидентура третьего ранга... Именно в таких медвежьих углах служат резидентами сотрудники, уже не способные ввиду преклонного возраста к оперативной и аналитической работе. Но и для ссылки проштрафившегося агента Хантера лучшего места не придумать. Уж там-то операцию не провалишь... Не случаются в Лесогорских операции.

Шмель проследил направление моего тоскливого взгляда. Взял со стола лазерную указку. По карте поползло фиолетовое пятнышко.

– Вот он, Лесогорск...

Ох... Подозрения полностью оправдались. Не иначе как Шмель при помощи линейки и циркуля долго вычислял наиболее удаленный от Екатеринбурга городок. Зона ответственности нашего филиала протянулась от Урала до Енисея – далее на восток начинается епархия Восточно-Сибирского филиала с центром в Иркутске. Крохотный кружочек, изображавший Лесогорск, обнаружился почти на границе с территорией восточных соседей.

Хотелось спросить: «Надолго?» – но такие вопросы устав Конторы не приветствует.

– Слушаюсь... – вздохнул я.

– Как у тебя дела на семейном фронте, Сережа? – поинтересовался Шмель, бесталанно изображая отеческую заботу. Он давно намекал мне, что отягощенным семьей сотрудникам Конторы на бурный карьерный рост рассчитывать не

стоит.

– Разошелся, но пока не развелся.

Шмель не подал виду, но наверняка обрадовался. Назло ему я добавил:

– Надеюсь, что всё еще наладится.

Едва ли что-то у нас наладится... Уверен – мадам Гришнякова уже хлопочет о новом замужестве дочери, на сей раз удачном.

– Отлично, – ответил начальник явно на первую мою реплику. – В Лесогорск в любом случае поедешь один, без жены. Резидентство твоё долго не затянется. Три-четыре месяца, а потом... В общем, как там себя проявишь – так дальше служба и пойдет.

Ну-ну... Чем же я себя проявлю в заштатной дыре? Какими подвигами? Разве что сумею не спиться от тоски – и начальство в полной мере оценит мой героизм...

– Все незаконченные дела сдай агенту Мартину, – сказал Шмель. – Срок – час. Потом подойдешь сюда, Альберт Иванович введет тебя в курс дела.

5

Суб-командор покосился на дверь, закрывшуюся за агентом Хантером.

– Ушел? Включай...

Пальцы начальника филиала пробежались по кнопкам,

тумблер переместился в другое положение. Акустическая защита включилась.

– И часто они у тебя так... инициативу проявляют? – Шмель загорячился:

– А что делать, что делать, Сапсан? – Именно такой псевдоним носил человек, известный младшему агенту Хантеру как Альберт Иванович. – Сам видишь, с кем работать приходится! Сколько я просил: дайте в штат хоть одного полевого агента! Про «ос» уж не говорю... Дети ведь! Детсадовцы, насмотревшиеся X-файлов и мнящие себя круче Малдера. Этот еще лучший...

Сапсан пожал плечами. На лице оставалось сомнение.

– Действительно лучший? Говорлив слишком, если верить прослушке... Не боишься, что...

Суб-комайдор сделал многозначительную паузу. Закончить фразу пришлось Шмелю:

– Что кто-то или что-то сможет расшатать гипноблоки, страхующие от утечек информации?

Сапсан кивнул. Добавил:

– Или рядом окажется некто, кто сумеет за достаточно долгое время сложить головоломку из кусочков, обрывочков, обмолвочек...

Начальник филиала пожал плечами. От такого никакая суггестия не поможет – и оба это знали. Если агент Хантер начнет приоткрывать тайны Конторы по чуть-чуть, день за днем, и в мыслях не имея отступничать, – умереть в одночасье.

сье от сердечного приступа ему никак не грозит. Медицинские светила из Трех Китов проблему непреднамеренного и постепенного слива информации пока не решили...

Шмель вздохнул:

– А что делать?.. *Присматриваем...* Если что... Штат ликвидаторов, сам знаешь, всегда полон. Уж на это Юзеф не скупится.

Столичный гость на обсуждение скупости и щедрости обер-инквизитора не сбился. Помолчал, затем вернулся к предыдущей теме:

– И как же ты своего лучшего... Не жалко? – Шмель с изумлением воззрился на собеседника:

– Т-ты... – Он сделал паузу, сглотнул комок в горле, продолжил: – Так ты его без подстраховки хочешь отправить? Одного? Я-то, старый дурак, думал...

Он встал – вернее, сделал незаконченную попытку выкарабкаться из недр начальственного кресла.

– Сядь! – рявкнул Сапсан. Шмель плюхнулся обратно. Несколько секунд они мерялись взглядами. Потом субкомандор снова заговорил – и уже значительно мягче:

– Ты не представляешь, Степа, что творится в Москве и Питере... Я и сам не представлял, что такое возможно – сейчас, без войны, без каких-либо катаклизмов... Ты получал циркуляр о военном положении?

Шмель кивнул. Получал... Хотя какое может быть военное положение в их мирном захолустье? И – если уж чест-

но – с его *мальчиками*? Ну, сидят теперь у входа два охранника вместо одного. Ну, забирают агенты табельные стволы домой со службы... Ну, чаще стали всевозможные проверки и учебные тревоги... И всё.

– Капитул приостановил свои полномочия, – медленно и тяжело сказал Сапсан. – Полетели такие головы, что... Короче говоря, при филиалах – не только при твоём – ни одного полевого агента, ни одной «осы» не осталось. Все оттянуты в центр, собраны в особые бригады и... В общем, поверь, – дел у них хватает. Как только появится хоть какая-то возможность – потребую перебросить сюда лучших спецов. А сейчас – извини.

Шмель сделал последнюю попытку убедить, уже достаточно вялую:

– А если там действительно Морфант? Ты видел снимки укусов?

– Я привез само тело, Степа... То, что осталось от тела.

– Ну и что сделает против Морфанта младший агент? У мальчишек ведь даже Дыевы ножи ¹ – бутафорские, без начинки. Обычная железка, да еще не самой рациональной формы. И СКД-вакцинацию не проходили...

– Не скромничай, Степа. Кое-чему ты ребятишек своих

¹ Дый – бог древнеславянского пантеона, брат Сварога. Учил людей наукам, ремеслам, волшебству. Попытался захватить власть среди богов, был повержен и превращен в дракона. Оружие, сделанное Дыем, – мечи, стрелы и т.д. – славяне считали наделенным многими магическими свойствами, в том числе способностью уничтожать нечисть.

научил-таки. Да и я помогу чем смогу. Для прикрытия людей нет – а для *пригляда*, думаю, найдутся... Если поскрести по сусекам.

Начальник филиала скорбно кивнул головой. *Приглядят*, разумеется... Когда роту или батальон посылают в разведку боем, на смерть, – обязательно должен кто-то засечь все вступившие в дело огневые точки противника. Найдутся наблюдатели, кто бы сомневался...

6

Вместо отпущенного от щедрот Шмеля часа я уложился в тридцать минут, благо Генка в общем и целом представлял, чем я занимаюсь. Сдача дел произошла просто: я опустошил свое отделение сейфа, вывалив кучу папок и дискет на стол Мартина, немедленно затосковавшего. Вот-вот, будет теперь знать, как злорадствовать над оступившимся коллегой.

Из содержимого сейфа в моем владении остался лишь Дыев нож, лежавший на нижней полке. Я вытащил его из ножен, скептически осмотрел лезвие с тремя выступами, напоминающими увеличенные зубья пилы... Архаичный клинок, повторяющий старинную форму, вручали младшим агентам после принесения клятвы – как кортик флотским офицерам. Дабы служил символом задач Новой Инквизиции и преемственности поколений.

Невелик арсенал... Преемственность преемственностью,

но в реальной жизни мы с Генкой использовали свои ножи лишь для откупоривания пивных бутылок... А табельный ствол у меня изъяли. Сразу после провала операции против «Детей Сумрака». Надо полагать, дабы агент Хантер не застрелился от горя. Интересно, резидентам третьего ранга полагается боевое оружие? Едва ли. Это лишь здесь мы, опера, официально числимся охранниками в службе безопасности «Уральской финансово-инвестиционной»...

Одолжить, что ли, кастет у Мартынова? Так ведь не даст.

Генка искоса наблюдал за моими раздумьями с Дыевым ножом в руках. Но – редкий для него случай – удержался от ехидных комментариев.

Затем я вышел в коридор, раздумывая, чем бы заняться в оставшееся время. И оказался немедленно ухвачен за рукав доктором Скалли. Вопреки псевдониму, доктор был отнюдь не женщиной, а рослым мужиком сорока пяти лет. С одноименным телеперсонажем его роднила профессия, да еще рыжие волосы, бесшабашно торчавшие во все стороны. Впрочем, волос вокруг обширной лысины оставалось немного.

– Спирт будешь? – спросил Скалли, едва мы оказались в его заставленной лабораторными столами вотчине.

– Не хочу... Вернее, не могу. Через полчаса инструктаж у начальства.

– Сейчас захочешь, – пообещал доктор, вручая мне пачку цветных фотографий. – Полюбуйся на работу своих «Су-

мрачных деток».

Действительно захотелось... Не то выпить, не то умыкнуть со склада автомат с полным боекомплектом, отправиться в клуб «666» и выяснить, сумеет ли «верховный маг Деменсис» и вправду нырнуть в «сумрак», спасаясь от автоматной очереди. Он-то, подлец, в отличие от замороченных юнцов был взрослым человеком. И наверняка понимал, к чему приведут их дурацкие игры.

– Дракулы недоделанные, мать их... – пояснил доктор, разливая прозрачную жидкость в крохотные мензурки.

Именно что недоделанные... С классическими вампирами-некробионтами авторы изображенного на снимках непотребства ничего общего не имели. Юные дебилы, вообразившие, что жить не могут без человеческой крови, подзуживавшие друг друга и нашедшие-таки себе жертву... Судя по снимкам – девчонку лет пятнадцати-шестнадцати. Хотя пол и возраст окровавленного *нечто* лишь угадывался.

Если бы не этот самый начальник ЖЭКа...

Если бы меня хотя бы не отстранили от дел на минувшие четыре дня...

– Где они сейчас? – спросил я, чтобы хоть чем-то заполнить гнетущую паузу.

– Девчонка в реанимации, ублюдки в КПЗ... – пожал плечами Скалли. – Наверняка экспертиза признает невменяемыми. Полечат, полечат да и выпустят... Клуб, понятно, закроется – и всплывет на новом месте, под новым названием.

– Акция? – спросил я со слабой надеждой.

– Шмель не даст добро... Посмотри, вот здесь прикус от-
лично отпечатался. Ни малейших следов мутации. Не наши
клиенты.

Я посмотрел.

Голливудские киношники безбожно обманывают нас в
своих ужастиках. Кто им сказал, что вампир оставляет по-
сле себя лишь две аккуратные дырочки? На снимке глубо-
кие ранки от зубов сливались в две дуги, вокруг – огромный
кровоподтек. Я представил, как кричала и вырывалась дев-
чонка, когда к ней присосался «упырь»... Представил – и, не
раздумывая, осушил протянутую доктором мензурку.

– Закуси, – протянул Скалли комочек непонятной суб-
станции. – Покатай во рту – даже полевой агент ничего не
унюхает.

«Полевой агент» доктор произнес с неприязненной инто-
нацией. Отношения между спецами из Трех Китов и элитой
оперативников всегда были натянутыми.

– Забери, подошьешь к делу. – Скалли собрал фотогра-
фии в аккуратную пачечку и протянул мне.

– Отдай Мартину. Все мои дела теперь ведет он.

– А ты – в «наружку»?

– Хуже... В ссылку. Резидентствовать в глухой дыре... –
Ладно хоть доктор Скалли не занялся пустыми утешениями.
Пожал плечами:

– Бывает...

Я знал, что и для него работа в Екатеринбурге – тоже своего рода ссылка. Чем-то прогневил свое начальство и загребел сюда, на радость Шмелю, – многопрофильные специалисты уровня Скалли редко работают в лабораториях при филиалах...

– Повторим? – провокационно подмигнул Скалли. Тут уж я решительно отказался. Хотя стоило бы... Я, кажется, сказал сегодня цыганке, что доволен своей работой? Соврал, каюсь...

Вспомнив о цыганке, оказавшейся пиарщицей новоявленной панацеи, я спросил у доктора:

– А что у тебя по «Уральскому Чуду»?

Теперь рутинной проверкой нигде не сертифицированного суперлекарства придется заниматься Мартынову, но мне было любопытно. Между потребителями «Чуда» ходили упорные слухи о действительно потрясающем эффекте, якобы излечивающем застарелые хвори и поднимающем на невиданную высоту общий тонус организма...

– Морские свинки недохнут, — ухмыльнулся Скалли. — Значит, и для людей сойдет.

Затем добавил серьезно:

– Ничего особенного. Спиртовая основа, экстракты из десятка лекарственных растений... Еще присутствует какая-то животная органика, я до конца не разобрался. Отдаленно напоминает вытяжку из мускусной железы кабарги... Но в любом случае – не яд.

Ну и ладно, значит, через пару дней Генка благополучно закроет это дело. По крайней мере, если мадам Гришняка втянет-таки Светланку в сеть распространителей «Уральского Чуда», отравительницей моя пока еще супруга не станет.

7

Место для введения в курс дела суб-командор выбрал странноватое.

Морг.

Не покойницкую одной из городских больниц – но небольшое помещение в двухуровневом подвале занимаемого Конторой особняка. Иные из хранившихся там тел были способны повергнуть в шок самого бывалого патологоанатома.

Мы стояли по разные стороны металлического стола, на котором лежали некие *останки*. Уже не труп, но еще не скелет... Я поглядывал на него украдкой и думал, вырвет меня или нет.

Наконец я не удержался – спросил, кивнув на тело:

– Кто его так?

Альберт Иванович выдержал долгую паузу, изучающе поглядывая то на меня, то на патологоанатомический стол.

Вообще-то устав предписывает задавать начальству лишь относящиеся к делу вопросы. Особенно московскому начальству, со Шмелем можно порой поболтать на отвлеченные темы. Но, коли уж вновь назначенного резидента Хан-

тера сюда привели и поставили рядом с *этим*— надо думать, тело к делу относится. Тело к делу, прямо стихи какие-то. Я сегодня определенно в ударе...

Попытка подбодрить себя незамысловатой шуткой удалась плохо. Мелькнуло подозрение: продолжил разговор именно здесь суб-командор с простенькой такой целью — сбить с меня излишнюю веселость.

И ему это удалось. При взгляде на останки мой природный юмор тут же убыл в самоволку...

Лица у трупа не оказалось. Вообще. *Выгрызено...* Мягкие ткани почти все содраны, кости черепа расколоты не то зубами, не то клыками, виднеется мозговое вещество. Остальное — не лучше. Неведомая пасть прошлась и по левому боку: торчат обломки ребер, розовеют легкие, брюшина выкушена — от мерзкого содержимого растерзанного кишечника я старался отводить взгляд особенно упорно, но куда денешься от запаха. Не помогала даже присущая моргу резкая вонь не то карболки, не то чего-то еще дезинфицирующего...

Левая рука отсутствовала. Правая частично уцелела, лишившись кисти и предплечья. Нижнюю часть тела рассмотреть не удалось (Альберт Иванович стянул прорезиненную простыню лишь наполовину). Но я об этом не жалел, честное слово.

Наконец суб-командор решил, что агент Хантер получил достаточное количество визуальных впечатлений. И дополнил картинку саунд-треком:

– Не знаю я, кто его *так*. Прикус вроде соответствует медвежьей пасти, но... Но спецы-зоологи не могут назвать конкретного представителя семейства медвежьих! Не бурый, и не белый, и не гималайский... Со слепками челюстей заморских медведей – гризли и прочих барибалов – тоже сравнивали. Не то! Или новый вид в окрестностях города Лесогорска объявился, или единичная мутация, или кто-то удачно имитировал укусы. Или еще один, достаточно маловероятный вариант...

Он не договорил. И без того ясно: или наш клиент. Первый за пять лет моей службы *настоящий* клиент Конторы. Вот вам и тихая заштатная резидентура...

– Принять дела от своего предшественника вам не удастся, Хантер, – продолжил суб-командор.

– Почему? – спросил я, не желая даже сам себе признаться, что догадываюсь об ответе.

– Потому что он перед вами. Наш резидент в Лесогорске – Вербицкий Юрий Анатольевич шестидесяти восьми лет...

Воображение тут же нарисовало мрачную картинку: мое тело, полуприкрытое прорезиненной простыней, и Альберт Иванович, вводящий в курс дела моего преемника: «Наш резидент в Лесогорске – агент Хантер двадцати семи лет...» Алиса, это пудинг; пудинг, это Алиса, всем очень приятно...

Суб-командор продолжал информировать:

– Тело нашли в лесу, в пятнадцати километрах от города. Несколько дней оно пролежало в морге как неопознан-

ное, пока мы не хватились резидента. На место выезжала бригада службы внутренней безопасности, но никаких улик в лесу не обнаружила. Ничего, свидетельствующего об инсценировке. Похоже на несчастный случай, в тайге и не такое бывает. Но этот неопознанный прикус... Вам, агент Хантер, предстоит еще раз всё проверить. Чтобы мы смогли вновь назначить туда резидентом аналитика пенсионных лет, мечтающего пожить на лоне природы. А теперь слушайте вашу легенду.

За несколько минут я помолодел на четыре года, вновь стал студентом, обзавелся старушкой-матерью и недавно умершей теткой, – именно после ее кончины мне якобы досталась в наследство однокомнатная квартира в богом забытом городе Лесогорске. Радовало одно: новое имя запоминать не придется. Звали студента Рылеева, как и меня, – Сергеем.

– Все данные о Лесогорске сегодня же закачают в ваш компьютер. Внимательно изучите – предполагается, что какое-то время вы там жили и с городом знакомы.

– Значит, и местные жители со мной знакомы... – сообщил я.

– Спустя четырнадцать лет достаточно легкого внешнего сходства, – отрезал суб-командор. – Между вами и настоящим Рылеевым оно имеется.

– А... хм... *оригинал* не заявится неожиданно на поминки любимой тетушки?

– Не заявится, – сказал суб-командор так, что мне сразу расхотелось задавать вопросы.

Глава 2

МЕДВЕЖИЙ УГОЛ

1

Классики мировой литературы оставили нам предостаточно ярких портретов патологических скупердяев. Гарпагон, Шейлок, Скупой рыцарь, помещик Плюшкин...

И я поклялся себе: если когда-нибудь брошу нынешнюю свою службу, и стану писателем, и выбьюсь в мировые классики – то плеяду прославленных жадюг пополнит новый персонаж. Некто Шмель, в миру известный как Степан Васильевич Сурожский.

Эту торжественную клятву я принес, сделав несколько первых шагов по перрону вокзала славного города Лесогорска. Впрочем, название «вокзал» мало подходило к крохотной бетонной коробке, где имелся зальчик ожидания аж на шесть посадочных мест, расписание поездов с единственной строкой и одинокое окошечко вечно запертой кассы (билеты продавались прямо в «подкидыше»).

А если уж совсем начистоту, то и название «город» мало подходило Лесогорску – окрест, насколько хватало взгляда, раскинулись домишки самого сельского вида с приусадеб-

ными участками. Как я знал после дотошного изучения плана этой большой деревни, пара застроенных многоэтажками микрорайонов здесь имелась. Но на другом конце города – как раз там располагалась «унаследованная» мною недвижимость.

Именно туда придется топать на своих двоих. Топать, нагрузившись кучей вещей, – ни такси, ни граждан, промышляющих частным извозом, на привокзальной площади не наблюдалось. Судя по тому, как мои немногочисленные попутчики, закончив обниматься-целоваться с немногочисленными встречающими, бодро двинулись по разным направлениям в пешем порядке, прибытия рейсового транспорта ждать не приходилось.

Камер хранения на якобы вокзале не было. Я взвалил на себя вещи и тоже пошагал, ничем не выделяясь среди прочих аборигенов. Тоже бодро... Первый десяток шагов – бодро. Потом я соотнес тяжесть ноши с длиной пути – и дал сам себе упомянутую клятву.

Еще через сотню шагов у меня родилось название будущего шедевра мировой литературы: «Скупой координатор». Или, если Шмея к тому времени повысят в звании, – «Скупой суб-командор». Оригинально, не правда ли?

2

Перед отъездом я получил информацию от Шмея: сту-

дент Рылеев, которого мне предстоит старательно изображать, отдыхает сейчас на Кипре – «совершенно случайно» выиграл главный приз в какой-то пустяковой рекламной лотерее. И столь же «случайно» получит вскоре от опять же «случайного» курортного знакомого предложение о выгодной работе за границей... Настолько выгодной, что путь к диплому мой тезка предпочтет завершить заочно.

Сдается, что половины усилий, затраченных Конторой на эту операцию прикрытия, хватило бы, чтобы слепить мне вполне правдоподобную легенду, позволяющую разъезжать на служебной «Ниве-шевроле». Например, молодой бизнесмен, ищущий, чем можно поживиться в Лесогорске...

Ан нет. Скупердяй Шмель остался непреклонен и проигнорировал все мои намеки на то, что нынешние студенты порой вполне успешно подрабатывают в коммерции и могут владеть собственным автотранспортом... Надо понимать, ему был нужен для выполнения задания пеший агент Хантер. Безмашинный и безлошадный. Интересно, почему?

Зато в остальном начальник филиала проявил невиданную щедрость. Категорически отверг мою идею отправиться на задание без компьютера – и в технической лаборатории мне вручили ноутбук. Потрепанный жизнью корпус одной из первых моделей скрывал начинку стандартного «персика». Дескать, современные студенты не мыслят жизни без любимого компьютера... Мой скромный, состоящий лишь из кулаков и Дыева ножа арсенал пополнили еще две еди-

ницы оружия. Охотничий карабин с оптическим прицелом (отчего бы студенту не любить охоту?) и револьвер, внешне выглядящий как газовый – однако бутаторская перемычка в стволе вылетала после первого выстрела, а пластмассовые заглушки в якобы газовых патронах прикрывали боевые пули. Бумаги на оба ствола, разумеется, были в полном порядке, а в нестандартной начинке боеприпасов никто без лабораторных исследований не разберется...

Заодно безлошадного агента Хантера нагрузили компакт-лабораторией (отчего бы студенту на отдыхе не заняться подготовкой к диплому?) и толстенным талмудом инструкции к ней – я, в конце концов не полевой агент, это они назубок знают, как обращаться со всеми полосками-пробирками-реактивами-калибраторами...

На десерт Степа благодетельствовал меня полным комплектом походного снаряжения, включая одноместную палатку. Надо думать, чтобы агент Хантер мог без помех отправиться с упомянутым карабином в многодневный поход по окрестностям – выслеживать медведя неизвестной науке породы.

И вот теперь я, нагруженный всем этим скарбом, тащился по бесконечно длинной главной улице Лесогорска, как верблюд по пустыне Сахара. И обдумывал планы страшной мести Шмелю. Улица, кстати, носила имя не Ленина, Маркса или Коминтерна, как от веку заведено в маленьких городках, – но некоего Баймеджона. Кто такой? – я понятия не

имел. Подозревал, что национальный герой кетойского народа. Сей ничем не прославленный в истории этнос проживал в здешних местах, пока бледнолицые братья не пришли рубить лес и добывать газ, а потом куда-то подевался. Последние кетойцы, насколько мне известно, в количестве трех десятков человек образуют ансамбль национальной песни и пляски при Красноярской филармонии.

С этими грустными мыслями о незавидной судьбе малых народов Сибири я отмахал по улице имени таинственного Баймеджона около километра. Это если судить по количеству пройденных шагов. Конечности же и спина утверждали, что проделано втрое большее расстояние.

Вообще-то в походной аптечке имелись снадобья, мгновенно бы вернувшие мне резвость молодого жеребенка – но я выбрал самое простое решение. Устроил привал. Стряхнул со спины опостылевшую кладь и впервые внимательно посмотрел по сторонам – марш-бросок с запредельной выкладкой к лицезнению окрестностей не располагал.

И сразу встретился взглядом с чугунным человеком. С чугунным в самом прямом смысле слова, без всяких гипербол-метафор. Сей индивид в ином месте вполне смог бы именоваться памятником – если бы возвышался на каком-никаком постаменте или пьедестале. Этот же стоял попростому, в глубине газона, больше напоминавшего некошеную лужайку, – трава доходила до чугунных коленей.

Заинтригованный, я подошел поближе, одним глазом по-

глядывая на оставленные вещи. Не сам ли это загадочный Баймеджон? Оказалось – не он... Тоскливыми чугунными глазами на меня смотрел Федор Михайлович Достоевский.

Интересная манера ставить памятники... Ладно, хоть не посреди капустных грядок.

В этом месте в сплошном ряду окруженных огородами домишек наметился широкий разрыв – не то большой сквер, не то маленький парк. А если не особо льстить – то просто-напросто луговина, кое-где поросшая редкими деревьями и пересеченная несколькими аллеями. Скамейки, впрочем, вдоль аллеек стояли – целых семь. Маленькие, двухместные, дабы никто не мог подсесть к решившей передохнуть парочке.

Местный парк культуры и отдыха, надо думать... Всё как у больших.

В глубине парка имелись еще какие-то скульптурные композиции, даже отсюда выглядевшие странновато. Абстракции, не иначе. То-то Федор Михайлович так понуро от них отвернулся.

Изучать дальше эту местную достопримечательность я не стал. Вновь вернулся к исполнению обязанностей выючного животного...

3

Всё на свете имеет обыкновение заканчиваться. Хорошее

раньше, плохое позже, — закончилась и бесконечная улица Баймеджона. Вернее, превратилась в проселок, ведущий неизвестно куда. Именно здесь, на окраине, портили сельский пейзаж унылые блочные пятиэтажки, в одной из которых обитала моя покойная «тетка». Тьфу, ну и сказаноул... Конечно же, обитала, пока была жива, — а потом переехала обитать в другое место.

Эту часть Лесогорска я изучил лучше всего — заочно, по плану города. Грех плутать и спрашивать дорогу в местах, где якобы прошло твое детство. И студент Сергей Рылеев (то есть я) бодро свернул на вымощенную бетонными плитами дорожку, петлявшую между «хрущобами».

Надо сказать, несмотря на городской вид зданий, Лесогорск и здесь городом не выглядел! Под окнами пятиэтажек были разбиты аккуратные огородики — с грядками, с парничками, со смородиновыми кустами... На одной такой делянке стояла конура с посаженным на цепь бобиком вполне приличных размеров, на другой — несколько ульев. С балкона третьего этажа жизнерадостно кукарекал петух. Пастораль. Идиллия...

А затем я встретил весьма странную компанию.

Семь человек. Дети, все мальчишки, — на вид от двенадцати до четырнадцати лет. Но что-то не совсем детское было в их облике... Может, одежда? Вся, как на подбор, темных тонов — черная, серая, коричневая. Это в наше-то время, когда китайцы завалили всю Сибирь разноцветными яр-

кими шмотками... Причем мрачные одежки юных лесогорцев приходились им вроде бы по размеру – не малы и не велики, но сидели как-то неловко, кургузо, словно были с чужого плеча.

Или меня зацепили лица парнишек? Серьезные, не улыбающиеся... Не детские.

Пытаясь понять, что здесь не так, я не сразу разглядел непонятный предмет в руках одного из детей. Разглядев – удивился. Птица, мертвая птица... Из-за пестроты оперения показавшаяся не то рябчиком, не то куропаткой. Ошибочно показавшаяся – присмотревшись получше, я понял: добыча молодых птицеловов куда крупнее куропатки. Какой-то пернатый хищник. Пожалуй, ястреб, хотя я, конечно, не орнитолог.

Мальчик, на вид постарше других, тащил птицу за лапы, головой вниз... Нет, не так! Головы-то как раз и не было! Её, голову, нес отдельно другой мальчишка. Понятно... Банальное проявление банальной подростковой жестокости.

Но всё оказалось не столь просто.

Дети предпочитают свои экзекуции над безвинными животными производить вдали от глаз взрослых. Эти же...

Компания остановилась шагах в четырех-пяти от меня. Парень, державший птицу, поднял ее повыше. Двое других вцепились в крылья, широко их растянули – и рванули изо всех сил! Раздался треск, в воздухе закружились мелкие перышки... Крылья оторвались. А юные натуралисты-вивисек-

торы неторопливо пошагали дальше, с такими же каменно-серьезными лицами. На свидетелей этой сцены – меня, двух копошившихся на огородах женщин и оказавшегося поблизости старичка – внимания они не обратили. Ни малейшего.

Женщины поморщились, одна демонстративно сплюнула. Затем огородницы вернулись к своим занятиям. Старичок тоже шокированным не выглядел. Проследил направление моего недоуменного взгляда, пояснил:

– Известное дело – временные...

Последнее слово старик выплюнул так, словно оно было самым неприличным ругательством в местном сленге. Я ничего не понял. Временные кто? Временные где?

Но расспрашивать нельзя. Сергею Рылееву так близко от жилища тетки – нельзя. Нет, легенда чужака, ничего здесь не знающего, для работы оказалась бы куда пригоднее...

И я сделал единственное, что мог: вновь свалил тяжкую свою ношу на землю, изображая крайнюю усталость. И поощрительно улыбнулся старичку. Порой этого вполне достаточно, чтобы настежь распахнуть шлюзы старческой словоохотливости.

Дедок оправдал надежды в весьма малой степени.

– Все они такие... радиоактивные... – процедил он неприязненно. И пошагал куда-то по своим делам.

Радиация... Интересно. Ничего связанного с радиацией в Лесогорске не было. По крайней мере, по моим данным. Или

старый приплел радиацию лишь для красного словца, или данные у меня, мягко говоря, неполные...

4

Однокомнатная квартира любимой моей тетушки Прасковьи Семеновны Касимовой (в девичестве Рылеевой) оказалась на четвертом этаже. «Интересно, был ли у нее огородик под окном? – подумал я, сбрасывая на пол прихожей опостылевшую ношу. – Может, еще остался какой лучок или петрушка?»

И тут в единственной комнате раздался звук, моментом выметший из головы полушутливые мысли о растительной закуске. Кто-то там, в комнате, не то поперхнулся, не то подавился.

Так-так-так... Я шагнул в помещение. За большим столом сидели два гражданина с небритыми лицами. И таращились на меня с неприкрытым изумлением. Стол украшала почти допитая поллитровка, буханка хлеба, какая-то зелень (не с теткиного ли огорода?) и вареная колбаса, нарезанная крупными кусками.

– Добрый день! – приветливо сказал я, подходя поближе. – Вы тоже родня тети Паши? Тоже за наследством приехали?

Один из свежееобретенных родственников повел себя совершенно не по-родственному. Швырнул мне в голову стакан с недопитой водкой. А пока я уворачивался, он подхва-

тил со стола нож, которым только что пластал колбасу, – и пырнул меня в живот.

Ох...

5

Старший лейтенант милиции – невысокий, но плечистый, крепкий, со здоровенными кулаками – оказался для своего звания староват. Лет под пятьдесят, не меньше. Надо думать, перспективы для служебного роста в Лесогорске нулевые...

Он посмотрел на паспорт – дальнозорко отодвинув от глаз. Потом на меня – прищурившись. Снова на паспорт. Снова на меня. На лицо напозала улыбка.

– Серега, что ли? – В тоне старлея слышалась нотка неуверенности.

Не повезло... Не успел я приехать – и сразу натолкнулся на человека, знавшего в детские годы Сережу Рылеева... Да еще встреча произошла в таких щекотливых обстоятельствах.

Решать стоило быстро. Узнать? Или сослаться на ослабевшую за годы зрительную память?

Первый вариант показался предпочтительнее. Как там, кстати, зовут местного стража порядка? Сделав вид, что с головой погрузился в пучину давних воспоминаний, я пытался вспомнить, что было написано в быстро мелькнувшем удостоверении... Фамилия точно Кружаков, а вот имя... Григо-

рий? Георгий?

По счастью, я углядел пять букв, синеющих на его широкой кисти – рядом с татуировкой, изображавшей якорь.

– Дядя Гриша?.. – В моем голосе неуверенности было куда больше. Вдруг все и всегда называли «дядю Гришу» не по имени, а по прозвищу, – и Сережка Рылеев тоже?

Обошлось. Старший лейтенант широко распахнул объятия... От него попахивало перегаром – несильно, вчерашним.

6

– А помнишь, как ты с Пашкой Филимоновым в пятом классе школу подвзоровать собирался? – спросил вдруг дядя Гриша, закончив посвящать меня в новости из нынешней жизни якобы моих детских знакомых.

Я внутренне напрягся. На таких-то вот вопросиках и сыплются даже самые матерые агенты – если кто-то задает их с целью проверки. Как легенду ни зубри, все факты из жизни подмененного тобой человека не заучишь...

Пришлось покаянно вздохнуть и изобразить на лице глупое сожаление о детских шалостях Сережки Рылеева.

– Схоронили Пашку... – продолжил старлей. – Полгода как с Чечни в цинковом гробу вернулся...

Жаль парня, но... Но встречаться с кем-либо, кто начнет вспоминать с «Рылеевым» сокровенные детские тайны, со-

всем ни к чему.

Я тяжело вздохнул, скорбно помолчал, затем спросил:

– А что с этими? Протокол ведь надо какой-нибудь составить...

...Тип, неудачно пытавшийся зарезать меня хлебным ножом, отправился в камеру. Не прямиком – после того как в больнице ему наложили гипс на сломанную руку (отчего бы студенту и не владеть приемами единоборств?). Второй собутыльник отделался легче – парой ушибов. Его же я попробовал допросить до прибытия милиции: с любителем махать острыми предметами, потерявшим сознание от болевого шока, поговорить не удалось.

Пленник оправдывался более чем наивно: дескать, снял комнату у моей тетки – на словах, без договора. Заплатил за год вперед – и что же теперь, съезжать, если квартирная хозяйка в ящик сыграла? А с чего схватился за нож пришедший в гости дружок, понятия не имеет.

Врал, разумеется. Судя по внешнему виду и цвету лица, все излишки свободной наличности этот индивид немедленно пропивал – какая уж тут плата за год вперед...

Но до истины добраться не удалось – милиция приехала на удивление быстро. Да и не специалист я в экстренном потрошении, если честно...

– Эти-то? – пренебрежительно махнул рукой дядя Гриша. – Не бери в голову. Плюнь и забудь. Васька-Колыма – которому ты грабку поломал – у нас в розыске. Нападение

на сбербанковского инкассатора... Сам знаешь, больше у нас грабить-то и некого. Думали, он в Ачинск подался, к железке, – и укатил. А он, видишь, пустую квартиру нашел и затаился. Небось с дружкой своим, Петюней, еще что сотворить решил – сумка-то инкассаторская ему не досталась. Коли уж за жабры обоих взяли – всё выложат, друг дружку по самую маковку утопят. Так что спи спокойно – никаких протоколов, никаких допросов. И без тебя найдется, чем их прижать... Расскажи-ка мне лучше, как мать твоя там в столицах...

– Она не в столицах... В Екатеринбурге...

Глафира Петровна Рылеева действительно жила в Екатеринбурге – и уж про нее-то я мог рассказать предостаточно. Но к чему пассаж про столицы? Старлей не знает или проверяет?

– Так и я о том же – столица Урала как-никак... Рассказывай, рассказывай...

7

Наконец унаследованная жилплощадь освободилась и от незваных жильцов, и от стражей порядка.

Больше часа я потратил, чтобы распаковать и разложить вещи. Заодно провел некоторое усовершенствование входной двери – теперь любой маргинал ее согнутым гвоздем не откроет. А персик и карабин из шкафа-пенала сможет

извлечь только весьма предусмотрительный вор – заранее надевший противогаз. Любой другой, не знающий секрета, вдохнет порцию усыпляющего газа и украсит ковер своей похрапывающей персоной.

Всё! Непосредственная база для проведения агентом Хантером операций готова! Можно доложить начальству...

Что я и сделал. Доложил. Отстучал сообщение на персике, закодировал и отослал Шмелю. Можно приступать к означенным операциям.

Легко сказать...

Отчего-то никакие светлые мысли в голову не приходили. И блестящие догадки о странной гибели резидента Вербицкого, и интуитивные подозрения – тоже не приходили...

В тоске и душевном расстройстве я вышел на балкон. С четвертого этажа открывался неплохой вид. Не на Лесогорск – в поле зрения попадала лишь самая окраина города, – но на его окрестности.

Надо сказать, местная топонимика совершенно не соответствовала местной топографии. Ни лесов, ни гор в ближайших окрестностях не наблюдалось. Лес синел широкой полосой поодаль, в нескольких километрах... В том же направлении, но гораздо ближе, поблескивала широкая речная полоса – Кеть... Именно ей городок обязан своим названием. Когда-то здесь стояли на реке запани, где сплавляемый лес извлекали из воды. Потом – лет двадцать назад – тайгу в верховьях Кети повырубили, молевой сплав стал невы-

годным. И город медленно начал умирать, а подоспевшая перестройка ускорила процесс... Сейчас по железнодорожной ветке, предназначенной для вывоза древесины, два раза в неделю ходит лишь «подкидыш», население уменьшилось вчетверо...

Ну и кто в этих местах, скажите на милость, мог устранить резидента Конторы, хитроумно имитировав нападение дикого животного?

Никто не мог. Но *нечто* загрызло-таки Юрия Анатолевича Вербицкого... Загадка.

Тут кое-что в обозреваемом ландшафте меня заинтриговало. А именно, скопление одноэтажных домов за Кетью, как раз напротив города. Поселок? Пригород? Неважно... Важно другое – на моем весьма подробном плане города и окрестностей эти строения отсутствовали. Абсолютно. Однако новостройками при этом никак не выглядели.

Заинтригованный, я вооружился биноклем. Будь дома подлиннее, вполне можно было бы назвать их бараками – невысокие, словно приплюснутые, похожие как близнецы-братья. Доски, обшивавшие стены, явно никогда не красились и приобрели со временем темно-серый оттенок. В сочетании с черным рубероидом, покрывавшим низкие одностатные крыши, – колористика получалась унылая. Впрочем, рубероид кое-где оживляли зеленые пятна наростшего мха.

На первый взгляд казалось, что унылое местечко дав-

ным-давно позаброшено. Но нет – в небольших окошках поблескивали целые стекла, ни одного выбитого, и над парой труб вился дымок... Интересный штрих – кроме упомянутых труб, над крышами ничего не торчало, ни единой телевизионной антенны. Оказывается, и в наш век поголовной теленаркомании встречаются не подсевшие на останкинскую иглу люди...

Всё. Хватит. Хватит пустых дедукций. Надо работать по стандартному алгоритму. Осторожно выяснить все местные связи покойного резидента, перелопатить кучу его донесений-пустышек... Вдруг да найдется какая-то зацепочка – неприметная, ускользнувшая от орлиного взора Альберта Ивановича.

И я, вновь включив персик, открыл электронную версию досье Вербицкого. Работал он под прикрытием – удивительное дело! – учителя. Сеял разумное, доброе, вечное в Лесогорской общеобразовательной средней школе № 2, расположенной рядом, на окраине, неподалеку от «теткиной» квартиры. Удачно. Посетим храм знаний... Вот только какой предлог может использовать для расспросов студент Рылеев? На мгновение я позавидовал полевым агентам: сами выбирают себе легенду и всегда имеют наготове с полдюжины разных удостоверений... Ладно, придумаю что-нибудь.

Зинаида Макаровна – завхоз школы, где трудился мой предшественник, – оказалась колоссальных размеров женщиной лет пятидесяти пяти. И – единственным школьным начальством, которое по летнему времени удалось застать на месте.

– Подработать? Нет, молодой человек... Не получится, – разрушила женщина-гора надежды студента Рылеева. – Вот кабы вы по литературной части... А то биология. Биолог у нас есть, на русский и литературу найти бы кого-нибудь... Да и то ставку раньше сентября директор не даст... И вообще скоро свои учителя без работы останутся. Детей мало, по десять человек в классе. Уезжают все и ребятишек увозят.

И она потянулась к затрезвонившему телефону, явно считая разговор законченным. Скамейка жалобно скрипнула. Именно скамейка – судя по всему, ни единое кресло не смогло бы вместить седалище завхоза, достойное внесения в Книгу рекордов Гиннесса. И возле рабочего стола Зинаиды Макаровны стояла скамеечка на два посадочных места, не иначе как позаимствованная в местном городском парке.

Завхоз бранила какого-то Федьку, не привезшего в обещанный срок кисти и валики – в школе назревал летний ремонт. Я стоял и терпеливо ждал. Ибо в нашей беседе только что прозвучало самое интересное: слова о вакансии учи-

теля-словесника. Именно русский и литературу преподавал здесь покойный Вербицкий.

Наконец разнос незадачливого Федьки завершился. И я попытался повернуть разговор к нужной теме:

– Знаете, я ведь и до сентября здесь могу задержаться. Похоже, продать квартиру в Лесогорске – дело нелегкое. Жить на что-то надо... Может, справлюсь и с литературой? Хотя бы временно? У меня по этому предмету всегда были пятерки...

Я постарался улыбнуться как можно обаятельней. Женщина всегда женщина, даже если в ней полтора с лишним центнера веса.

Не сработало.

– Едва ли, – сухо сказала Зинаида Макаровна. – Выйдет директор из отпуска – с ним потолкуете. А я что? Я завхоз.

Разговор явно подошел к финалу. Я торопливо спросил о главном:

– А что с прежней учительницей? С литераторшей? Тоже уехала?

Не слишком изящный подход, ну да ладно. Вакансия в школе образовалась весьма необычным способом – и наверняка завхоз не удержится, посвятит приезжего в подробности...

Опять не выгорело.

– Не уехала... – сказала она еще суше. – И не учительница – учитель. Умер недавно.

Вот вам и словоохотливость жителей глубинки... Мадам с кряхтением поднялась на ноги, давая понять, что присутствие ищущего работу Сергея Рылеева ее утомило. Скамейка вновь скрипнула, совсем уж жалобно. Покидая кабинет, я подумал, что долго несчастный предмет мебелировки не выдержит и скоро в городском парке станет одним приютом для влюбленных парочек меньше...

9

И всё-таки умеет работать этот агент Хантер! Хваткий парень, что и говорить...

Так подумал я о себе в третьем лице спустя час. Вот что значит настойчивость и умение найти подход к людям! Получив у завхоза от ворот поворот, я не ушел, а прогулялся по пустынным коридорам в поисках хоть кого-то, способного поведать о том, как именно в школе возникла вакансия учителя литературы.

И судьба меня вознаградила! Посланцем судьбы оказался мужичок в рабочей спецовке, с охапкой кистей и валиков в руках и выражением похмельной тоски на лице. Наверняка тот самый непутевый Федька...

Сориентировавшись в обстановке, я быстро совершил рейд в ближайший магазин и вернулся как раз в тот момент, когда Федька покидал кабинет завхоза. Кистей и валиков у него не осталось, а похмельная тоска усилилась. Четыре бу-

тылки пива, купленные мной, совершили маленькое чудо с иссыхающим тружеником.

...Посочувствовав трудностям в продаже унаследованной квартиры, Федор, как и ожидалось, под пивко начал бойко излагать местные новости. И главной среди них оказалась трагедия с Вербицким – его любитель пива фамильярно именовал Толянычем.

Выяснилось: учитель никогда в одиночку в тайгу не ходил, да и в компании тоже, – не охотился, не кедровничал, не увлекался сбором грибов и ягод. Зачем он очутился в лесу в пятнадцати километрах от города – непонятно. Но очутился и напоролся на зверя... В том, что виновник – именно медведь, у Федора сомнений не было. Медведи в окрестности Лесогорска забредали нередко...

– Может, Толяныч приятелю своему тайгу показать решил? Тот-то не из местных... – задумчиво предположил Федька, приканчивая третью бутылку.

– Какому приятелю? – насторожился я.

– Да приехал тут к нему один, на лето погостить... Старичок, еще старше Толяныча, дунь – и рассыплется...

Имени старичка мой собеседник не знал. Откуда старичок приехал, остался ли в Лесогорске после смерти Вербицкого и что связывало его с покойным резидентом, Федор не знал тоже.

Одну более или менее ценную информацию выудить всё же мне удалось: поселился приезжий не в служебной квар-

тирке учителя – снял домик где-то на берегу Кети...

– А кто такие «временные»? – спросил я, едва Федор начал сбиваться с истории Вербицкого на более общие проблемы здешней гнусной и безденежной жизни. – Слышал пару раз это название...

Реакция собеседника удивила. Взгляд его вновь наполнился неизбывной тоской, губы скривились – словно Федя хотел сказать нехорошее слово, но передумал.

Затем он поднялся с лавочки (разговор происходил в школьном саду, давно уже растущем дико и неухоженно). Посмотрел на полиэтиленовый пакет, четко обрисовавший очертания последней бутылки. Буркнул:

– Засиделись... Макаровна, она такая, сам знаешь... Бывай, увидимся...

И пошагал в сторону школы.

М-да... А ведь только что пару раз намекал открытым текстом, что пиво вещь хорошая, но для серьезного разговора за жизнь необходим напиток с несколько большим градусом...

Я остался задумчиво созерцать навеки пересохший фонтан, украшенный изображениями пионера и пионерки. Время и люди жестоко обошлись с алебастровыми фигурами – шея пионерки вместо головы заканчивалась торчащим обломком арматуры. На такой же арматуре держалась неестественно вывернутая правая рука пионера с зажатым в ней горном. Левой не было вообще. Скульптурная композиция неприятно напомнила беседу с суб-командором над расчле-

ненным телом Вербицкого...

Ладно, продолжим ознакомление с местными достопримечательностями. Стоит совершить прогулку к Кети, подышать свежим речным воздухом...

10

«Не тот ли это старичок?» – подумал я, увидев сидевшего на плавучих мостках рыболова.

Подойдя ближе, усомнился. Возраст соответствовал, но мощная фигура удильщика никак не позволяла применить к нему определение «дунь – и рассыплется». Кряжистый был старикан, основательный.

Интересный факт: из всех лесогорцев, с кем сегодня довелось пообщаться, младше пятидесяти лет оказались лишь Васька-Колыма и Петюня – незваные жильцы теткиной квартиры. Вымирающий город, город стариков...

Пару минут я внимательно наблюдал за неподвижным поплавком и – искоса, но еще более внимательно – за его неподвижным владельцем. Затем начал разговор цитатой из классики:

– Говорят, рыбы здесь необыкновенное количество...

– Звездят, – веско ответил рыболов, бросив на меня быстрый взгляд. – Топляков тут на дне – и впрямь, количество так уж количество... Сорок годков, чай, лес сплавляли.

После чего мы вполне профессионально обсудили срав-

нительные достоинства различных снастей и приманок, влияние погоды на клев рыбы и пришли к совместному выводу, что рыбалка на реках Сибири не та, что была лет двадцать назад...

Потом разговор вынужденно прервался – по Кети, завывая подвесным мотором, пронеслась «казанка». И поплавок, и мостки, и мы вместе с ними закачались на поднятых ею волнах.

Затем, решив, что контакт налажен в достаточной степени, я тоже забросил удочку:

– Я в вашем городе, похоже, застрял на несколько месяцев: пока оформлю наследство, пока квартиру продам... Пожалуй, одно развлечение и останется – рыбалка. Скажите, можно ли арендовать какой-нибудь домишко здесь, на берегу? И лодку к нему в придачу? Неохота таскаться затемно со снастями через весь город...

Рыболов посмотрел на меня гораздо внимательнее.

– Выбирай на вкус, – сделал он широкий жест в сторону раскиданных по берегу строений. – Половина, чай, без пригляда стоит... Поразбежался народ, поразъехался... У меня, вон, ключи от пяти или шести хибар лежат. Ставь поллитру – и живи на здоровье.

– И что, никто на лето не приезжает пожить? Отдохнуть от больших городов? – провокационно удивился я.

Выбранная тактика принесла успех: рыбак поведал о старом чудаке, снявшем на два месяца хибарку некоего Кольки

Евсеева, и даже указал на ее крышу, торчавшую над кустами. После чего предложил немедленно осмотреть другую, пока свободную недвижимость.

– На том берегу дома вроде капитальнее... – уклончиво ответил я, кивнув на однотипные строения правобережья. Отсюда они видны были даже лучше, чем с балкона теткиной квартиры.

– И не думай... Не сдадут тебе ничего временные...

– Да кто же они такие – временные? – спросил я с нехорошим предчувствием: сейчас рыбак скомкает разговор, сматает удочку и удалится.

Не угадал.

– Временные? – переспросил он с каким-то непонятным ожесточением. – Временные и есть... Как лиса к зайцу на время в избушку попросилась, так и они... Раньше там объект стоял, секретный. Проволока в пять рядов, вышки – и близко не подойти. Потом объект-то прикрыли, а поселок остался – ну и эти приехали, временно переселенные... Вот уж пятнадцать с гаком годков всё временные. Мутные люди, нелюдимые, у порога помирать будешь – дверь не откроют. Сколько жизнь по свету ни бросала – нигде таких не видал. Не суйся ты к ним, держись подальше. Мы так и живем – они там, мы тут. Сами по себе...

Он уставился на поплавок так сердито, будто в отсутствии клева тоже были виноваты пришлые временные.

Понятно... Судя по всему, временные поголовно принад-

лежат к какой-то старообрядческой секте и считают всех прочих граждан РФ «слугами Антихриста». И у окружающих к ним соответствующее отношение. Случается и в наше время такое в медвежьих углах... Но есть один момент, который обязательно надо выяснить.

– Почему их называют еще «радиоактивными»?

– Так объект-то какой там был? То-то и оно...

Вот так... Или всеведущая Контора сама не была информирована о «радиоактивном» объекте, или не сочла нужным информировать вновь назначенного резидента Хантера.

– Что же, они так и живут, словно на необитаемом острове? Ни моста, ни парома... Как же до них врачи добираются, почтальоны? Милиция, наконец?

– Кому надо, на лодках плывут... Да наши туда не больно-то, это они... Погодь! Глянь, вон, вон, поплы-ы-ыла...

Последнее слово рыбак протянул на редкость издевательским тоном. Я всмотрелся: через реку к противоположному берегу быстро двигалась деревянная лодка. Греб парнишка, показавшийся мне весьма похожим на встреченных утром юннатов, разве что чуть постарше. А на среднем сиденье вальяжно восседала... ну точно, моя добрая знакомая – завхоз Зинаида Макаровна. Тоже из временных? Странно... Хотя, конечно, ее темно-коричневое платье вполне гармонировало со стилем одежды ребятишек, не любящих птиц. Но работа школьным завхозом... Сектанты-раскольники «антихристовых школ» не признают, детей учат на дому по старым кни-

гам. Если, конечно, активно не вмешиваются власти. Видел я детишек-староверов, силком отправленных в школы: всего дичатся, от всех шарахаются, держатся особняком, девчонки в платки закутаны, не хуже чем мусульманки в паранджи, — лишь глаза поблескивают... Лучше бы дома учились, честное слово.

11

К домику, снятому таинственным гостем Вербицкого, я прошел кружной дорогой. Вернее, тропой — прибрежные строения были раскиданы среди зарослей черемухи без какого-либо плана, не пытаясь даже выстроиться в подобие улицы.

Домик как домик: явно не для постоянного жилья — хранить снасти да порой переночевать перед ранней рыбалкой. Небольшое окошко, рубероидная крыша, низенькая дверь... Стоп! А вот с дверью как раз не всё в порядке — приоткрыта.

Ну и как это понимать? Жилец ушел, не заперев дверь? Или сидит внутри?

Ладно, незачем гадать на кофейной гуще... Продираясь сквозь заросли, я обошел вокруг. В задней стене тоже имелось окошко — причем распахнутое настежь. Никого внутри нет, если только здесь не обитает извращенный любитель ночевать в обществе гнуса...

Я взглянул на мостки — отсюда они хорошо просматрива-

лись – и не увидел фигуры рыболова. Ладно, будем считать, что направился он не сюда...

Распахнув дверь, я отпрыгнул в сторону. Пальбу никто не начал. Иных признаков жизни тоже никто не подавал.

– Есть кто дома? – поинтересовался я на всякий случай. И вошел, не дождавшись ответа.

Да-а-а... Единственную комнату хибары не обыскали – попросту разгромили, словно задавшись целью сделать непригодной для жилья, а заодно нанести как можно больший убыток хозяину.

Скудная мебель разломана на куски – вся, даже железная койка. Повсюду разбросаны обрывки сетей и обломки других рыболовных снастей. Жестянки с сахаром, мукой, солью, еще с чем-то сыпучим – раздавлены, растерзаны, их содержимое рассыпано по полу. Точнее сказать, по немногим уцелевшим половицам – остальные выворочены, доски торчат во все стороны...

Проще сказать, что уцелело в этом погроме. Абсолютно неповрежденный предмет обнаружится один-единственный – керосиновая лампа, висящая на стене. Отчего-то руки у резвящихся вандалов до нее не дошли... Руки?

То, что я увидел на стене рядом с керосинкой, заставило усомниться, что посетители рыболовного домика действовали именно руками. Дешевенькие выцветшие обои оказались вспороты, и на досках под ними виднелись десять почти параллельных глубоких царапин – пять слева от лампы, пять

справа. Конечно, может быть, что на руках у гостя были перчатки а-ла Фредди Крюгер... Но больше всего это напоминало следы от двух звериных лап. Медвежьих лап. Стараясь наступать на сохранившиеся участки пола, я подобрался к изуродованной стене, попытался дотянуться до начала царапин. Тщетно. Порезвившийся здесь *некто* был как минимум на пятнадцать сантиметров выше меня... Бывают ли такие высокие медведи? Не знаю, как-то не доводилось мериться с ними ростом...

Поиски под обломками, осколками и обрывками результатов не принесли. Да я и сам не знал, что рассчитывал найти. Больше всего опасался натолкнуться на труп, изуродованный наподобие Вербицкого... Обошлось.

Уже собравшись уходить, в косяке двери я обнаружил кое-что интересное. Поначалу *это* показалось дыркой от выпавшего сучка, но, приглядевшись, я понял – пулевое отверстие. На мой неискушенный взгляд – калибр 9 мм, или, на заморский лад, 0.38 дюйма. Что в лоб, что по лбу – если в него, лоб, прилетит этакий свинцовый подарочек...

Следов крови не видно – или тщательно смыты, или стрелявший промахнулся. Я растерзал косяк лезвием перочинного ножа, выковырял пулю пинцетом и убрал в карман. Еще раз осмотрел пол, стены, даже потолок – больше ничего заслуживающего внимания.

Покинув хибарку, я не стал выстраивать никаких версий, связывающих произведенный в ней разгром и смерть рези-

дента Вербицкого. Зато успел расстегнуть куртку и проверить, как вынимается из кобуры якобы газовый револьвер. Хотя против существа, шутя ломающего на куски железные койки, больше подошел бы рассчитанный на слонов штуцер... Больше я не успел ничего.

– Руки вверх!

Голос, произнесший у меня за спиной эту сакраментальную фразу, звучал негромко и уверенно. Столь же негромко и уверенно прозвучал металлический щелчок, сопровождавший слова.

Я медленно поднял руки, прикидывая, успею ли в падении достать револьвер и выстрелить раньше неведомого противника. По всему выходило – не успею.

Ладно, посмотрим, что дальше. Застрелить меня могли и не вступая в разговоры.

– Теперь повернись – медленно. Руки не опускай.

12

Без сомнения, это был он – гость покойного резидента Юрия Анатольевича Вербицкого. Невысокий, иссохший старичок. Морщинистое лицо, голый череп, покрытый старческими пигментными пятнами. Но проверять, рассыплется ли мой визави, если на него дунуть, не хотелось. Потому что его рука с узловатыми пальцами сжимала «парабеллум». Нацеленный мне в голову. Никогда не видел эту модель вжи-

вую, лишь в фильмах, посвященных Второй мировой войне. Выглядел «парабеллум» столь же древним, как и его владелец. Но я благоразумно решил считать ископаемый пистолет вполне работоспособным.

Пауза затягивалась. Выцветшие глаза старичка изучали меня цепко, внимательно. Я в ответ изучал его. И даже успел сделать кое-какие выводы... Неутешительные.

Настораживала манера старого хрыча держать пистолет – небрежно-уверенная, профессиональная. Ничего похожего на интеллигента, впервые взявшего в руки боевую железку. Кисть не напряжена – не стискивает пистолет так, что белеют костяшки пальцев. И рука не поднята, не вытянута на уровне глаз – всё правильно, тщательно целиться при стрельбе на таких дистанциях незачем. Локоть полусогнут, дает дополнительную точку опоры. А еще – старичок не сделал ошибки дилетантов, наивно уверенных, что страшнее всего для противника пистолет, вплотную приставленный к организму. Пугаться тут нечего, а отобрать куда удобнее... Стоял он в трех с половиной метрах от меня и не делал попыток приблизиться. Хватит времени среагировать на любое резкое движение. В том числе на попытку нырнуть в кусты или выхватить оружие...

В общем, меня угораздило напороться на матерого профессионала, дожившего до преклонных лет.

Не знаю уж, какие выводы сделал старик из созерцания внешности Сергея Рылеева. Но кивнул головой с видимым

удовлетворением. И убрал «парабеллум» с прямой линии, соединявшей мушку, целик и мою голову. Не слишком далеко, впрочем, убрал.

— Кто такой? — спросил старый волк коротко и деловито. Я тремя фразами изложил легенду студента Рылеева. Он растянул губы в усмешке. Зубы оказались как на подбор — ровные, белые, наверняка вставные...

— Ну-ну... — прокомментировал старик мой рассказ.

Не поверил. Да и то сказать — оказавшийся под прицелом мирный студент наверняка совершит массу ненужных движений и произнесет массу ненужных слов. Прокололся агент Хантер, прокололся... Но больно уж всё неожиданно получилось.

— Коллега Юрия, что ли? — продолжил допрос владелец «парабеллума».

И это вычислил. Напрасно, дедушка... Контора ох как не любит граждан, сующих нос в ее дела.

— Пытался устроиться в школу, — не стал я лукавить. — Не взяли... Своих учителей девать некуда..

Он вновь продемонстрировал свою голливудскую улыбку. Опять не поверил...

Ну всё, достаточно. Еще один подобный вопрос — и придется проверить, как сохраняются рефлексы в таком почтенном возрасте. Отпрыгнуть в сторону, выхватить револьвер... Но старик не стал продолжать расспросы. Заговорил резким командным тоном — словно имел полное право приказывать

агенту Хантеру:

– Слушай внимательно. Один ты тут не справишься. Прихлопнут как муху. Скликай своих на подмогу. Причем по всем каналам, какие знаешь. Где-то у вас сидит крыса. Может, и не одна. Юра попытался вызвать помощь – двух дней не прожил.

Он замолчал. Я тупо пытался осмыслить грудую информации, уместившуюся в нескольких скупых фразах.

Что старик знает о существовании Конторы – не моя, в конце концов, забота. На то безпека и существует – пресекать возможные утечки информации. Моя задача – выжать из неожиданного источника как можно больше сведений. И не забывать при этом, что всё происходящее вполне может оказаться хитроумной проверкой той же безпеки...

– Не совсем понимаю вас... – обтекаемо сказал я. – Кто «прихлопнет как муху»?

– Еще не понял? – Старик кивнул в направлении разгромленного домика.

Я совершенно искренне пожал плечами. Старик, казалось, на мгновение заколебался. Потом сказал:

– Ладно... Коли ты тот, за кого я тебя принимаю, и тебя не прислала ваша крыса... Приведешь подмогу – отдам свой архив. Если *эти* раньше до меня не доберутся.

Он вновь кивнул – на сей раз в направлении реки.

– А если доберутся? – я наконец перестал играть роль студента. – Может быть, рискнете и сразу объясните, в чем де-

ло?

– Если да кабы... Тогда к тебе придет человек и передаст чемодан. Скажет – от Синягина. Это я.

Сдается мне, никогда этакий матерый волк не ляпнет ничего с кондачка, не подумав... Или фамилия вымышленная, или он специально предлагает Конторе прокачать по своим каналам, кто же такой на нее вышел... Но зачем?

– Как я узнаю вашего человека?

– Узнаешь, – отрезал старик. – Всё, пора расходиться. Поворачивайся обратно. И не пытайся потом играть в Джеймса Бонда со своей пукалкой.

Я послушно выполнил поворот на сто восемьдесят градусов. Интересно, как старикан намеревается незаметно исчезнуть? И оторваться от слежки, если мне придет в голову ею заняться? Со своей пушкой он управляется профессионально, не спору, но едва ли способен соревноваться с молодежью в беге по пересеченной местности. Надеюсь, старому не придет дурная идея завершить беседу ударом по моему затылку...

Затылок остался в неприкосновенности. Сзади затрещали ветви – и всё. Я обернулся. Синягин ушел. Судя по медленно удаляющемуся треску – совсем недалеко. Машинально я сделал несколько шагов в заросли, следом за ним, всё еще сомневаясь, стоит ли затевать преследование.

Какое-то движение сзади я скорее ощутил шестым чувством, чем услышал, – и тут на мой затылок обрушился-таки

удар...

13

Сознание я не потерял. Просто уткнулся лицом в траву и на некоторое время утратил интерес ко всему на свете... В том числе, к вопросу: кто же меня так приласкал и куда уходит Синягин.

Потом я заставил себя подняться. Голова гудела, ноги подкашивались... Напавший сзади супостат оказался всего лишь брезентовым мешком, подвешенным на веревке и до сих пор покачивающимся на манер маятника с затухающими колебаниями... На ощупь мешок показался набитым обычным песком.

Ну старик! Кремень... Натянул проволоку-растяжку в едва заметном просвете между кустами, установил немудреную ловушку – и агент Хантер попался, как наивный первоклассник...

Хватит на сегодня сбора информации. Надо хорошенько обдумать уже имеющуюся, пока на голову не свалилось кое-что посерьезнее мешка с песком... И какими бы мотивами ни руководствовался Синягин, давая этот совет, – надо немедленно связаться с Конторой.

Дела минувших дней – II

Опер Синягин.

Томская область, лето-осень 1939 года

– Значит, морда? Медвежья? Оскаленная? – устало спросил Синягин.

Мурашов кивнул – столь же устало. Допрос длился три с лишним часа – и шел по кругу.

– Ну и почему же медведь на вас не набросился? Не растерзал? Не укусил? – вздохнул Синягин.

– Не знаю... – убито сказал Мурашов.

Геолог, казалось Синягину, и сам уже не был рад, что рассказал эту историю. Чего бы уж проще соврать: запил, дескать, в попавшейся на пути деревушке. Запил и не успел к предписанной дате вернуться с маршрута. Запил – и всё. Делайте что хотите. А что с ним в таком разе сделаешь? Завести дело, добавить пару лет к сроку? Так Мурашову и без того из Сибири не выбраться, отматает свою «пятерку» ссылки – получит тут же следующую, даже без суда, в административном порядке... И Мурашов прекрасно об этом осведомлен. И вовсе незачем ему для оправдания своей задержки рассказывать такую дикую историю...

Однако – рассказал.

* * *

Семь лет назад Михаил Исаакович Мурашов носил иную фамилию. И жил в Москве. И работал отнюдь не полевым геологом, хотя и по родственному профилю – защитил кандидатскую по минералогии, успешно двигался к докторской...

Порушила и жизнь, и карьеру Михаилу Исааковичу фамилия – та самая, прежняя. Фамилия была простая, от родителей доставшаяся, – Троцкий.

Ни по какой линии родственником злейшему врагу мирового пролетариата Михаил Исаакович не приходился. Более того, как известно, Троцкий – лишь псевдоним идейного вдохновителя подкупленных буржуазными разведками вредителей, террористов и шпионов. Примерно так кандидат наук и объяснял всем праздно либо по долгу службы любопытствующим гражданам – вплоть до начала тридцатых годов. Потом объяснения помогать перестали... И в самом деле, носить в Советском Союзе подобную фамилию стало как-то неприлично. Студенты Горного института, идущие на лекцию Троцкого, – это, знаете ли, уже идеологической диверсией пахнет.

Михаил Исаакович всё понял и быстро перестроился – женился на собственной аспирантке и взял ее фамилию... Увы

– поздно. Получил пять лет ссылки и отправился во глубину Сибирских руд – применять на практике теоретические познания.

Впрочем, и тут экс-Троцкий устроился не так плохо. Начальник 22-й ГРП обеими руками вцепился в неожиданный подарок судьбы – в московского специалиста; выхлопотал подчиненному разрешение не являться на еженедельные проверки к оперуполномоченному НКВД, но отмечаться раз в два-три месяца, вернувшись из маршрутов.

Геологоразведка развивалась бешеными темпами – в стране полным ходом шла индустриализация, добывающие и обрабатывающие комбинаты росли как грибы на только-только открытых месторождениях. Кадров катастрофически не хватало. Зачастую Мурашов выходил в поиск в одиночку – имея некоторый запас денег, дабы нанять двух-трех временных рабочих из местных. И оружие имел – карабин. Чтобы не убили и деньги не отобрали...

Но последний, почти двухсоткилометровый маршрут по тайге Михаил Исаакович проделал в полном одиночестве, так уж получилось. Когда идти оставалось всего ничего – километров тридцать, – геолог вышел к деревушке, отмеченной на карте *«нежил.»*.

Вопреки пометке, деревня оказалась обитаемой. Вот только обитали там, если верить Мурашову, люди более чем странные...

– Не знаю, – повторил геолог. – Но не укусил... Обнюхал – аж паром из ноздрей меня обдало. И дух такой терпкий, звериный...

– Эх, Михаил Исаакович... Давайте заканчивать с этой историей, время позднее, – в очередной раз задушевно предложил Синягин. – Признайте прямо: выпили вы крепко в тот вечер. Я всё понимаю – вышли из тайги, людей полтора месяца не видели, под разговор и не заметили, как норму перебрали... Со всеми случается.

– Я не пью, – в очередной раз упрямо отверг путь к отступлению Мурашов, – не пью! С семнадцати лет, с тех пор, как... Впрочем, неважно.

Синягин с тоской подумал, что Клебанец, его предшественник, рассусоливать в подобном случае не стал бы. Двинул бы пару раз в рожу рукоятью нагана, выбив половину зубов, – и в погреб-камеру денька на три без воды и пищи. Мигом бы в мозгах посвежело... Но с «ежовщиной» партия раз и навсегда покончила – вот и приходится разговоры разговаривать.

– Хорошо, – сказал Синягин. – Допустим, хозяева действительно держали в избе ручного медведя. Или дикий как-то умудрился незаметно проникнуть с улицы...

Ему самому версия казалась шаткой. Зимой еще можно

представить голодного медведя-шатуна, ищущего, чем поживиться в деревне. Но в изобильном августе? Зоопарк на дому еще менее вероятен..

Но надо же, черт возьми, написать что-то хоть относительно правдоподобное в рапорте. Отчего бы и нет: испугался геолог ручного медведя, сбежал в ночную тайгу, едва успев подхватить пожитки, – и заблудился. Всё. Состав преступления не обнаружен.

Но Мурашов упорно не хотел хвататься за бросаемый ему спасательный круг:

– Не мог он с улицы. Я на лавке лежал, ближе всех к входу. И не спал еще... Из-за занавески зверюга вылезла. Из-за той, за которой хозяйская лежанка стояла.

Синягин вновь вздохнул. Не верилось, что хозяева держали под супружеской кроватью такую зверюшку... Все остальные возможности они уже перебрали: геолог отверг, что это ему могло примерещиться, почудиться в ночном мраке... Медведь – и точка. Медведь, в которого *превратилась* хозяйка дома... Почему не хозяин, Мурашов толком объяснить не мог. Отчего-то интуитивно грешил именно на хозяйку – возможно, оттого, что отличалась женщина прямо-таки громадными размерами, а супруг у нее оказался мелкий и худосочный.

А самое странное и дикое во всей истории было то, что оперуполномоченный нутром чувствовал: геолог не врет! Не врет, рассказывая, как лежал на лавке, оцепенев от страха, не

в силах потянуться ни к ножу, ни к карабину. Как бросился наутек, едва зверь отвлекся чем-то на другом конце избы, в закутке за печкой... И о странной ночной погоне – когда за Мурашовым сквозь подлесок с хрустом ломились не то пять, не то шесть тяжелых тварей и отстали лишь после пары выстрелов в воздух, – и об этом не врет...

Может, действительно спятил от одиночества среди деревьев? Ладно, в любом случае пора заканчивать бодягу...

Закончил Синягин своеобразно. Потихоньку, незаметно расстегнул под столом кобуру. Резко выдернул наган и тут же выпалил в потолок, приблизив ствол к уху Мурашова. Заорал:

– Встать!!! Игры с органами вздумал играть, сука?!! Молчать!

Ошалевший Мурашов вытянулся по стойке смирно. Оперуполномоченный скомкал многостраничный протокол, поднес к носу геолога. Другой рукой сунул туда же наган – пускай вдохнет кислый запах сгоревшего пороха.

Заговорил уже тише, но резко и сурово:

– Знаешь, что в этом протоколе? Здесь, интеллигенция ты недотраханная, во весь рост рисуется пункт десятый статьи пятьдесят восьмой УК – контрреволюция в форме агитации. Клевета на советских колхозников. Союзники пролетариата по ночам в зверей превращаются, да? Десять лет лагеря. Жену твою и дочку – на спецпоселение. И не на здешний курорт. На север, в лесотундру. Зиму пятая часть переживает,

по весне на барже новых завозят...

Готово дело! Сломался, интеллигентишка...

Синягин сунул бумажный комок в глиняную миску, полную папиросных бычков. Чиркнул спичкой, несколько секунд смотрел, как обугливается, корчится в пламени дикая история...

Пододвинул к геологу перо, чистый бланк, замызганную, всю в потеках, чернильницу.

– Садись. Пиши. Всё как было, пиши.

Мурашов опустился на стул – осторожно-осторожно, на самый краешек. Подрагивающими пальцами взял ручку. Проямлил:

– А-а... к-как оно *было*?

– Так и было... – хмыкнул Синягин. – Вышел из тайги в деревню, вроде как нежилую, а там люди непонятные поселились, советскую власть не признают, разговорчики ведут контрреволюционные... Переночевал, ушел – и заплутал, выходя к большаку. И всё. Всё, понял?! Убедительно пиши, интеллигенция...

...Через полчаса оперуполномоченный перечитал новый плод фантазии геолога. Похлопал по плечу одобрительно:

– Ну вот, можешь ведь, когда захочешь... С этой бумагой и к начальству не стыдно пойти. Разберемся, что за контра мракобесная под боком завелась. Усек? А начнешь снова байки свои болтать – «червонец» я тебе обеспечу. И семье твоей, что обещал, – обеспечу. Всё понял? Свободен!

До якобы нежилой деревушки, не имевшей на карте даже названия, спецотряд НКВД добрался лишь спустя месяц с лишним, осенью. Синягин настоял, чтобы в состав отряда включили и его, – утверждал, что подозрительное селение находится всё-таки на его участке. Границ по тайге никто не проводил, но начальство не препятствовало: хочешь – езжай, лишний штык в таком деле никогда не помешает.

На трех «полуторках» проехали, свернув с большака, сколько смогли, а дальше двинули на своих двоих по сильно заросшей просеке. Шагать пришлось верст пятнадцать. Когда, судя по карте, до деревушки осталось идти меньше трех километров, на просеке появилась тропа. Хорошо натопанная тропа – кое-где даже были срублены ветви, мешавшие движению. Совсем недавно срублены. Пока рассказ геолога подтверждался...

Еще одно подтверждение – только Синягину известной части рассказа – оперуполномоченный увидел, когда тропа пересекла песчаную осыпь. Среди следов смазанных, неясных (обутые люди?) – четко отпечатались громадные медвежьи лапы. Вроде бы для тайги дело самое обычное, но... Но дальше Синягин шел, перекинув из-за спины на грудь винтовку с досланным патроном. И настороженно вглядывался в завесу желто-багровых листьев – здесь, в междуречье Улю-

юла и Чулыма, тайга стояла низкорослая, смешанная...

К тому же – хоть и был оперуполномоченный неважным лесным следопытом – показалось: шел оставивший следы зверь на задних лапах. «Чтобы лучше видеть, что впереди...» – успокаивал себя опер. Но успокоения помогали слабо.

...А потом они пришли в деревушку. И сразу поняли: опоздали. Совсем чуть-чуть опоздали. Печи в избах стояли еще теплые.

Избы, кстати, оказались странные, совсем не похожие на ладные, с любовью и на долгие годы возведенные дома таежных деревень, где приходилось бывать Синягину. Тяп-ляп, на скорую руку сложенные из неошкуренных бревен срубы, никаких резных украшений. В узеньких окнах – ни единого стекла, не иначе как зимой наглухо затыкали чем-то... Никаких крылечек-приступочек – открыл криво сколоченную дверь и следующим шагом окажешься внутри, на земляном полу.

В общем, свинарники какие-то, а не людское жилье. Что удивительно – настоящих свинарников в деревушке не было. И хлебов – местные жители именовали их «стайками» – не было. Равно как и птичников, и других предназначенных для животины надворных построек...

«Сектанты какие-нибудь? – неуверенно подумал Синягин. – Толстовцы? Мясо не потребляют? Но почему тогда даже ни единой собачьей конуры нет?»

Огороды, впрочем, имелись. Вернее, не так... Огород – это нечто огороженное. А здесь никаких изгородей вокруг небольших делянок, где – неухоженные и непрополотые – росли картошка, морковка, свекла. Росли вперемешку, без какого-то намека на отдельные грядки. Овощи мелкие, выродившиеся – словно бы остались дички от давно вымерших или съехавших былых жителей... Но нет, в паре изб обнаружился горшки с варевом из этих самых плодов земли – причем нерезаных и нечищенных.

А самое странное – в деревне было полным-полно медвежьих следов! Больше того, во многих местах на бревнах срубов Синягин видел следы когтей!

Не по себе ему стало, неприятно и муторно. Не оставляло ощущение, что из обступившей дома тайги на незваных пришельцев устремлены взгляды. Тяжелые взгляды... Нелюдские...

Остальные чувствовали себя не лучше. Обыскивали деревушку настороже, не выпуская из рук оружия. И задерживаться не стали.

Уходя, все строения, ни одного не пропустив, подожгли. Благо ветерок тянул в сторону болотца, большого пала опасаться не приходилось.

Шагая обратно, к большаку, оперуполномоченный Синягин часто оглядывался на встающие над тайгой столбы дыма. Всё казалось, что неведомые хозяева странного места бросятся в погоню, отомстят кроваво и страшно...

Обошлось.

* * *

Организация, именуемая НКВД, славилась тем, что никогда и ни про кого не забывала.

Не осталась забытой и эта деревня. Выждав больше года, в ноябре сорокового предприняли новую экспедицию. Расчет был прост: если таежные отшельники не ушли с насиженного места, отстроились заново – можно прихватить всех. На снегу любой след виден, – на сей раз раствориться в тайге не получится.

Не вышло. Нашли лишь обугленные, коряво сложенные печи на присыпанных снежком пепелищах... Дело отправили в архив.

Синягин во втором походе не участвовал, но о результатах его знал. И поневоле мысли его часто возвращались к странному этому делу... В какую-такую тайну влетел ненароком Мурашов? Краешек какой загадки довелось увидеть их отряду?

Ответов не было.

Очень хотелось потолковать еще раз с геологом – по-простому, под бутылку, без протокола... Не довелось. Михаил Исаакович Мурашов погиб летом следующего года. Удивительное дело – сколько раз ходил по тайге в одиночку, и ничего. А тут в многолюдной экспедиции не уберется. Плот, на

котором переправлялись через верховья Кети геологи, снесло, ударило о камни... Утонул лишь Мурашов. Не то по-интеллигентски не умел плавать, не то запаниковал, не смог выпутаться из ремней тяжеленного вещмешка с образцами.

Синягин остался один на один с тайной... Кому и что тут расскажешь без единого доказательства? Даже копии первого протокола допроса геолога не сохранилось. Позже, правда, оперуполномоченный записал рассказ Мурашова по памяти и подшил в папку, не имеющую служебного грифа и номера – украшенную лишь надписью «Медвежий угол».

Потом туда же легли записанные впечатления оперуполномоченного о визите в странную деревушку... Потом была война, фронт, СМЕРШ, ранение, вторая война, необъявленная, – в Закарпатье с бандеровцами. Потом возвращение в Сибирь, на ту же службу, – работы хватало, папка пылилась сначала в дальнем углу «опер-избы», затем на антресолях городской квартиры Синягина.

Лишь в шестьдесят первом, уже уволенный из органов, он положил туда новые документы. А затем пошло-поехало – за сорок лет тощая папка разрослась в изрядный архив. Чего там только не было...

Рассказы очевидцев, то поражающие буйным полетом фантазии, то вызывающие доверие скупостью изложения и точностью деталей. Пожелтевшие вырезки из старых газет и журналов, повествующие о загадочных случаях на медвежьей охоте... Выписанные из исторических трудов намеки

на странные факты давно минувших дней и непонятные обы-
чаи давно умерших людей. И многое другое...

Затянувшееся на много лет самочинное расследование
поначалу стало для экс-энкэвэдэшника, лишившегося при-
вычного дела, отдушиной от новой постылой службы в охра-
не занюханного завода. Потом – нешуточным хобби. Потом
– просто-напросто манией.

Зачастую казалось: разгадка тайны «медвежьего угла»
где-то рядом, достаточно сделать еще шаг, достаточно про-
тянуть руку... Но так лишь казалось.

Глава 3

ОШИБКА РЕЗИДЕНТА

1

Закатное солнце произвело разительные перемены и с тет-киной квартирой, и с расстилающимся за ее окнами пейзажем.

Квартира стала выглядеть еще неприглядней – лучи заходящего светила, протиснувшись сквозь давно не мытые стекла, словно театральным прожектором высветили убогие обои и трещины на пожелтевшей штукатурке потолка, безликую совковскую мебель и следы визита Васьки-Колымы и его товарища.

Панорама же окрестностей Лесогорска, наоборот, являла собой роскошное зрелище. Серебристо сверкала изогнувшаяся лента Кети, у горизонта наливались краснотой редкие пушистые облака, темнеющий вдаль лес приобрел какой-то неземной, багрово-синий оттенок... Лишь дома поселка временных остались такими же – мрачными коробками.

Совещание личного состава Лесогорской резидентуры (в моем единственном лице) проходило на балконе. Мнения и версии совещающихся, понятное дело, излагались мысленно.

А версий хватало...

Неизвестно, что хуже: недостаток фактов, не позволяющий выстроить сколько-нибудь цельную картину происходящих событий, или лавина информации, свалившаяся на меня сегодня, – когда картинки замелькали, словно на экране сошедшего с ума диапроектора...

Итак, резидент Хантер, попробуем разобраться в происходящем.

Но, сдаётся мне, начинать надо *ab ovo*.² Или, выражаясь по-русски, плясать стоит от печки. А печка эта никак не в Лесогорске. В Екатеринбурге...

И в самом деле, интересно получается: в Лесогорске при невыясненных обстоятельствах погиб резидент, на место происшествия выезжала бригада безпеки, ничего толком не установила... И что предприняло в такой ситуации начальство? Отправило сюда младшего агента Хантера, только что с блеском провалившего операцию... Отправило «еще раз всё проверить»...

Нет. Начать от яйца у меня не получилось... Потому что первая странность в следующем: почему и зачем в Лесогорске вообще сидел резидент? В Сибири сотни таких ничем не примечательных городков – позволить себе содержать во всех резидентуры, пусть и третьего ранга, Контора не может. Конечно, во все тонкости создания агентурной сети я не посвящен, но банальная логика подсказывает: резидентура в

² *Ab ovo* – от яйца (лат.). В переносном смысле – начинать от первопричины.

этакой глухомани может оказаться лишь по двум причинам. Либо здесь когда-то в прошлом стряслось нечто, входящее в прямую компетенцию Конторы, и существует вероятность рецидива. Ничтожная вероятность, иначе не *приглядывал* бы за Лесогорском шестидесятивосьмилетний отставник...

Либо имелась столь же малая вероятность, что события, требующие немедленного вмешательства, могут произойти в будущем. Пожалуй, этот вариант ближе к истине. Имеется готовый ответ, сам собой напрашивающийся в качестве решения... Поселок временных. Вернее, давно закрытый «радиоактивный объект», персонал которого обитал некогда в поселке.

Причем отнюдь не факт, что объект и в самом деле был как-то связан с атомными проектами. Насколько я знаю, в прежние времена мирным обывателям, живущим вокруг сильно засекреченных «точек», в обязательном порядке вбрасывалась дезинформация. Организовывались ложные слухи, утечки «секретной информации»... Граждане гордились сопричастностью к государственным тайнам – и понятия не имели, что на самом деле происходит у них под боком.

Хорошо. Пусть так. Но Контора-то не сборище мирных обывателей! Однако в материалах, полученных агентом Хантером, – ни единого упоминания о секретном объекте в Лесогорске...

А если объект был не ядерный? Если, к примеру, биологи-

ческий? Если – фантазировать так уж фантазировать – военные тут пытались приспособить для своих целей каких-нибудь милых зверюшек? Медведей, например? А один из обитателей вивария сбежал в окрестную тайгу и...

Тут я оборвал дерзновенный полет своей фантазии. Этак можно до чего угодно додуматься. Час назад я зашифровал и отправил Шмелю конкретный запрос: что за объект находился под Лесогорском?

Придет столь же конкретный ответ – появится и материал для дедукций.

А не придет...

Тем более будет над чем поразмыслить.

2

Теперь пора перейти ко второму пункту повестки. А именно к обстоятельствам назначения агента Хантера резидентом.

Неполная информированность означенного агента – еще полбеды. Но была в беседе, начавшейся в кабинете начальника филиала и продолжившейся в нашем морге, еще какая-то нестыковка... Какое-то несоответствие... Но что именно – я никак не мог сообразить.

Я долго терзал память, пытаюсь дословно восстановить в памяти информацию и инструкции, полученные в тот день от Шмеля и от суб-командора, – может, в чем-то и как-то

они противоречили друг другу? Неявно, на первый взгляд незаметно?

Нет, не вспомнить... Сидит какая-то заноза в памяти – не дотянуться, не вытащить. Ладно, проехали.

Или я не там копаю? Что, если мое назначение в Лесогорск – случайность? Столь же случайно совпавшая со здешними странностями? Что, если предположить, будто начальство было озабочено не тем, *куда* отправить агента Хантера, – а *откуда*? Что, если в одном из своих рутинных расследований я вплотную подошел к проблеме, о существовании которой даже подозревать права не имел?

Мысленно я перебрал текучку последних дней. «Дети Сумрака»... Самозванный «верховный бокор вуду» Пауль Гроусс... «Уральское Чудо»... Не то. И опять же – передал дела я не кому-нибудь, а Генке Мартынову. Допуск у него тот же, что и у меня. Значит, агента Мартина спустя недельку тоже законопатят резидентом в какую-нибудь тьмутаракань? Успокойтесь, резидент Хантер, не надо переоценивать свое всемирно-историческое значение.

Но успокоиться никак не получалось. Одно дело, когда уверенно ощущаешь за спиной всю мощь Конторы, и совсем другое, когда...

Тут мне пришла неожиданная мысль. И весьма неприятная... Торопливо вынув из подплечной кобуры револьвер, я поспешил вернуться в квартиру.

Подозрение подтвердилось. В мой багаж входил небольшой футляр с инструментами, необходимыми в самых разных ситуациях. Воспользовавшись ими, через несколько минут я убедился: мой револьвер – гнусная бутафория.

Нет, не так. Бутафорией моему оружию *надлежало быть*. Но на деле оно оказалось именно тем, чем и выглядело, – самым обычным газовым револьвером. Без каких-либо доработок.

В мягком силлуминовом стволе отсутствовала вставка из оружейной стали, необходимая для стрельбы боевыми патронами. Перегородка в дуле, наоборот, была из твердого сплава и запрессована намертво – скорее взорвется оружие, чем она вылетит при первом выстреле...

Пластмассовую заглушку на патроне я расковырял уже из академического интереса. Так и есть – никакого намека на пулю... Кристаллический порошок, который под воздействием пороховых газов превратится в си-эс или си-эн – проще говоря, в слезоточивый газ.

Да-а-а... Хорош бы я был, решившись затеять с этим пугачом перестрелку с Синягиным. Никакая слезогонка мгновенно не действует, дедуля чихнул бы пару раз – и изрешетил бы наивного агента Хантера из своего «парабеллума».

Ладно, кто предупрежден – тот вооружен. Вернее, в дан-

ном случае – обезоружен. Хотя...

Я достал из шкафа охотничий карабин. Самый придирчивый осмотр ничего подозрительного не выявил. Патроны тоже казались настоящими. Но я уже никому и ничему не верил. Может, в оружии ударник укорочен и не разобьет капсюль. Или в гильзах патронов находится субстанция, ничего общего с порохом не имеющая...

Пришлось поставить следственный эксперимент. Выбрав самую большую из обнаруженных в квартире подушек, я притиснул ее к стене стволом карабина и нажал на спуск.

Выстрел прозвучал глухо, как и планировалось. Но отдача оказалась ничуть не слабее, чем положено. Пуля глубоко ушла в штукатурку.

Отрадно, что хоть половина арсенала в рабочем состоянии. Совсем с голыми руками я не остался... Вот только разгуливающий по улицам с карабином наперевес агент Хантер вызовет у окружающих реакцию, мягко говоря, недоуменную.

Но главное не это. Главное – Синягин оказался прав! В Конторе сидела крыса... И эта крыса со спокойной душой запланировала гибель агента Хантера при первом же огневом контакте.

Шмель?

Альберт Иванович?

Кто-то из техников, готовивших для меня снаряжение?

Кто???

Время, отведенное для сеанса связи, истекало... А я всё не мог решиться.

Дело в том, что связаться с Конторой по компьютерным сетям в любое время не представлялось возможным. Обычная проводная телефонная связь находилась в Лесогорске в состоянии первобытном, исключающем подобные попытки. Сотовая телефония вообще отсутствовала. В связи с чем мой персик был укомплектован антенной узконаправленного действия и усилителем, но всё это хозяйство могло функционировать лишь в часы, каким-то образом увязанные с пролетом над Лесогорском спутников связи (объяснения техника я, каюсь, пропустил мимо ушей, лишь запомнил график сеансов).

И вот сейчас я получил адресованное мне кодированное сообщение (неужели ответ на запрос? на удивление оперативно...), но всё никак не мог собраться отправить своё.

Причин тому я сам перед собой выдвигал множество.

Во-первых, могла произойти элементарная техническая накладка. Случаются и такие в Конторе... Кто-то ошибся, взял не прошедший доработки револьвер не из того ящика, а агент Хантер тут же завопит: «Измена!!!»

Во-вторых, я ничего толком не знал о Синягине и не мог слепо доверять его словам. Таинственный старикашка мог

оказаться кем угодно. Например, провокатором безпеки. Отношения у службы внутренней безопасности с прочими подразделениями Конторы примерно как у мушкетеров короля с гвардейцами кардинала – вроде и одному знамени служат, но... Отделы безпеки при филиалах подчиняются лишь своему центральному начальству – хотя обязаны сообщать начальнику филиала собранную информацию и не ликвидировать отступников без его согласия. Но смещать сотрудников СВБ и вообще вмешиваться в их внутренние дела Шмель, к примеру, права не имеет...

В-третьих, если старик не врал, не ошибался и не работал на безпеку, то мое донесение об окопавшейся в Конторе крысе могло к этой самой крысе и угодить... К Шмелю, если называть всё и всех своими именами. Именно на нем сходились подозрения. В одиночку только он мог стоять за всеми странными событиями... Конечно, у суб-командора тоже хватило бы власти, чтобы распорядиться закачать мне в персик неполную информацию и всучить бутафорское оружие... Но подозревать в этом человека, еще три дня назад наверняка не знавшего о существовании агента Хантера, – явная паранойя. Равно как и версия о разветвленном заговоре среди сотрудников филиала...

Неужели всё-таки Шмель?

Черт возьми, моя карьера резидента могла оборваться уже сегодня утром! Если бы я схватился за револьвер, вместо того чтобы разобраться с Васькой-Колымой врукопашную...

Стоп! Кое-что я не учел в своих рассуждениях... Посчитал, что двое маргиналов чисто случайно оказались в квартире моей якобы тетки. Пусть так. Но как тогда объяснить их попытку тут же меня зарезать? У этой парочки и в мыслях не было попытаться как-то объяснить своё присутствие или хотя бы просто уйти, пригрозив ножом.

Неужели поджидали именно с целью убийства? Нет, моё появления явно стало для них неожиданностью...

И тут я всё понял.

Как просто... Да, они ждали меня. Да, появился я неожиданно для них. Всё потому, что с узловой железнодорожной станции – из Ачинска – я отправился не рейсовым автобусом, а «подкидышем», приехавшим в Лесогорск на два часа раньше. Решение изменить запланированный еще в Конторе маршрут пришло спонтанно, хотя тащился поезд гораздо дольше, останавливаясь на всех полустанках, мне не хотелось проводить несколько часов в ожидании автобуса на жесткой скамейке автовокзала. А кто-то уже сообщил Колыме о точном времени моего прибытия...

Так... Одна деталь вроде бы прояснилась – но остальные запутались еще больше. С Альберта Ивановича и Шмеля моя версия снимала подозрения автоматически. Эти люди, – приди им в голову идея от меня избавиться, – могли бы привлечь к ее исполнению грамотных профессионалов и не стали бы связываться с уголовниками... Значит, у крысы служебное положение куда скромнее.

Едва я успел мысленно реабилитировать начальство, как в углу экрана персика погас значок, изображающий стилизованную антенну. До завтрашнего раннего утра связи не будет...

Не судьба... Была еще одна причина, по которой я не спешил отправлять рапорт. Ну подниму я тревогу, ну не окажется она ложной... И что? Прилетит из центра бригада полевых агентов, наведет порядок и в филиале, и в Лесогорске, вытрет соплю агенту Хантеру: мол, всё в порядке, малыш, резидентствуй дальше в своей песочнице...

Нет уж. Уголовник Колыма – отличная ниточка, ведущая к гипотетической крысе. И завтра, воспользовавшись знакомством с «дядей Гришей», я за нее потяну. Да и с шустрым дедушкой Синягиным надо бы продолжить беседу – второй раз трюк с мешком у него не пройдет.

Решено. С самого утра отрабатываю эти две линии – и днем выхожу на связь со Шмелем, вооружившись фактами, а не предположениями.

Решение казалось здравым и взвешенным. Но, как выяснилось впоследствии, было совершенно ошибочным...

5

Расшифрованное послание действительно оказалось информацией о бывшем секретном объекте.

Оказывается, рядом с Лесогорском (вернее, рядом с ме-

стом, где ему предстояло возникнуть) еще в конце пятидесятых были созданы громадные подземные резервуары, заполненные природным газом, – стратегический запас на случай войны. Причем полости, служащие газохранилищем, возникли в результате «мирных» атомных взрывов. Подземных. Бурили глубокие скважины, опускали маломощные ядерные заряды – взрывы выжигали в глубинах огромные каверны, но на поверхность не вырывались... Подобных хранилищ (как с газом, так и с нефтью) в свое время было создано несколько десятков в разных регионах страны – считалось, что тысячекilометровые трубопроводы при большой войне слишком уязвимы для диверсий и бомбардировок.

Спустя несколько лет после строительства объекта развернулись массовые лесоразработки в верховьях Кети, возник Лесогорск. Построили на реке запани, протянули от Транссиба железнодорожную однокорейку для вывоза леса, чуть позже автотрассу. Но растущий городок и небольшой поселок при секретном объекте на другом берегу развивались сами по себе, совершенно независимо, словно разделяла их не река в пару сотен метров шириной, но Атлантический океан. Хотя нет, морское сообщение между Старым и Новым Светом со времен Колумба куда интенсивнее...

В пору перестройки и нового мышления объект закрыли – заокееанские супостаты по мановению руки главного перестройщика обернулись вдруг лучшими друзьями. Ветку трубопровода и газонасосную станцию законсервировали, уво-

ленный персонал разъехался, охрану передислоцировали... Однако газ под землей остался – полностью выкачать его из хранилища было невозможно.

Дальше шли технические характеристики сооружения, которые я просмотрел бегло, без особого интереса. О том, что в опустевшие дома вселились пришлые люди, послание не упоминало... Что интересно, отправителем значился лично Шмель, а не кто-либо из его референтов. Ну что же, мои догадки о причинах возникновения здесь резидентуры подтвердились. Контора всегда держала под наблюдением окрестности любых объектов, как-то связанных с радиацией. И, судя по доходившим до меня слухам, не всегда это было пустой перестраховкой. Хотя, раз уж спустя несколько лет тут возник город, – остаточное излучение, надо думать, уже не превышало допустимых значений... Но давно известно, что любая бюрократическая машина обладает громадной инерцией, и Контора в этом смысле ничем не отличается от прочих учреждений. Временно созданная резидентура преспокойно дожила до наших дней.

Естественно, всех этих выводов в документе не было. Равно как и объяснений, почему данную информацию предоставили резиденту лишь по его отдельному требованию.

6

Персик вновь приобрел облик ноутбука не первой свежес-

сти. Перед тем как отключиться окончательно, прибор издал громкий троекратный писк и на экране возникли огненно-красные цифры – дата и время выхода из системы. Запоминать эту информацию необходимо весьма тщательно. Если в течение трех суток агент вновь не включит своего электронного помощника, тот весьма эффектным и зрелищным образом самоликвидируется. Заодно ликвидирует всех, находящихся рядом...

У полевых агентов, наверное, навыки обращения с их персиками доведены до автоматизма – по крайней мере не слышал, чтобы кто-то из них отправился на небеса в результате собственной забывчивости. А вот я последний раз получал персик для выполнения задания два года назад, и то на несколько дней... И поневоле с опаской относился к своему нравному чуду техники.

На всякий случай сверился со своими часами: правильно ли выставлен таймер компьютера? После лжебоевого револьвера стоит ждать любых сюрпризов. Но нет, всё в порядке – время местное, 01:37.

Однако... Как-то незаметно, пока я строил версии, направленные против безпеки и собственного начальства, проводил следственные эксперименты с оружием и ловил антенной сигнал от порхающего над Лесогорском спутника, давно уж перевалило за полночь.

Спать мне, впрочем, не хотелось – большую часть путешествия в скором поезде, катящем по Транссибу на восток,

я провел именно за этим занятием. Да и организм не успел перестроиться на здешний часовой пояс.

Я вышел на балкон убраться аппаратуру связи. Если антенна пострадает от утренней сырости, резиденту Хантеру останется только вкладывать свои рапорты в пустые бутылки и швырять в Кеть – авось течение донесет до филиала...

Городок спал. Хотя время, по большому счету, не такое уж позднее – в Екатеринбурге в этот час на улицах еще весьма оживленно. Но в глухой провинции ритм жизни иной. Между пятиэтажками медленно проехала припозднившаяся машина – и всё, больше ни звука, ни движения. За парой окон в хрущевках тускло горели ночники – никаких иных признаков жизни не наблюдалось. Даже уличное освещение не работало.

За рекой, в поселке временных, тоже стоял крошечный мрак. Равно как и в рыбацких домиках, разбросанных на этом берегу. Я подозревал, что в одном из них скрывается Синягин после разгрома первого своего жилища...

Вглядываясь в ночь, я подумал: каких только версий не приходило мне сегодня в голову касательно затаившейся в верхах измены и злоумышления против агента Хантера... А поразмыслить о твари с медвежьими повадками, убившей Вербицкого и разорившей пристанище Синягина, времени не нашлось. Возможно, кто-то именно на такой вариант и рассчитывал? И завтра я ведь собрался первым делом вычислять крысу в филиале... Удивительно: впервые в жизни

столкнулся с чем-то, что вполне может оказаться настоящим Морфантом, – и такое равнодушие. Чему-то не тому учит Контора своих сотрудников. Не тем приоритетам...

Раздавшийся звук мгновенно оборвал мои покаянные мысли. Выстрел. По-моему, пистолетный... Донесся он откуда-то слева, разглядеть то место мешала стена дома. Стреляли, пожалуй, неподалеку от школы, в которой мне довелось побывать минувшим днем.

Тишина.

Больше ни звука.

Может, подтвердилась пословица «у страха глаза велики»? Вернее, в нашем случае, велики уши. Загулявшая молодежь взорвала петарду или произошло еще что-то столь же безобидное, а взбудораженное воображение агента Хантера...

Успокоить сам себя я не успел.

Еще два выстрела – один за одним.

И – новый звук. Рев. Рев крупного разъяренного зверя.

Черт! Синягин?! Добрались-таки?!

Я бросился в комнату, схватил карабин – по счастью, завершив свои опыты, не успел запрятать его подальше. Разбрасывая вещи, отыскал прибор ночного видения, нацепил на лоб. Вроде бы на улице раздавались еще какие-то звуки, новые выстрелы... Но я уже не прислушивался.

Фонарь... Патроны... Заряжу на ходу... Вперед! Стоп... Проклятье, обувь... В шлепанцах особо не побегаешь... Еще

насколько секунд задержки...

По лестнице я несея, перескакивая через несколько ступенек.

7

На улице – тишина. Не слышны выстрелы. Не слышен рев...

Не успел? Всё закончилось?

Опустив на глаза прибор ночного видения и с карабином наготове я пошагал в сторону школы. Мир в инфрадиапазоне казался сплошь состоящим из шевелящихся и опасных теней, окрашенных в разные оттенки серого цвета.

Низкая деревянная ограда школьного сада. Я помедлил возле нее, прислушиваясь и присматриваясь. Впереди – ни звука и никакого постороннего движения, лишь колышутся от ветра кусты, тихонько шелестят листвой...

Похоже, охота закончилась... Но с каким результатом? И кто на кого охотился? Синягин на неведомую тварь или она на него?

Хотя не факт, что стрелял именно неугомонный дедуля из своего древнего пистолета. Даже район стрельбы я локализовал достаточно произвольно – школа была примерно в том же направлении и сразу вызвала мысль о покойном резиденте и его таинственном приятеле, любящем гулять с «парабеллумом»...

Ладно, осмотреть прилегающую территорию в любом случае необходимо. Я перемахнул ограду, не утруждаясь поисками одной из многочисленных прорех, замеченных днем. Медленно двинулся вперед, стараясь держаться поодаль от густых кустов и прочих мест, способных послужить укрытием противнику.

Ничего. Никаких подозрительных следов... Безмолвная громада школьного здания четко обрисовалась на фоне неба, я стал забираться левее, в ту часть сада, где угощал пивом Федора. И замер, внезапно разглядев две человеческие фигуры. Медленно, осторожно поднял к плечу карабин – и через секунду опустил, шумно выдохнув. Фу-у-у... Чуть было не изрешетил алебастровых пионера с пионеркой.

Второпях покидая квартиру, я, понятно, не успел подогнать до нужного размера оголовье «ночного глаза», и прибор постоянно сползал мне на нос. Остановившись и взяв карабин под мышку, я решил исправить это упущение. Не хватает еще лишиться инфраоптики из-за какого-нибудь резкого движения... Подождал, пока глаза немного привыкнут к темноте. Так, тут должен быть какой-то винтик, ага, есть...

Яростный рев раздался неожиданно. Совсем рядом. Что-то огромное и бесформенное с треском ломилось ко мне сквозь кусты. «Ночной глаз» упал под ноги. Приклад прижался к плечу. Что за... Предохранитель!!! Готово... Получай!

Выстрел, второй, третий...

Прوماхнутья с такого расстояния было невозможно.

И я попал! Пули отбросили, развернули массивную тушу, она рухнула, тяжело заворочалась... Рев зазвучал иначе – теперь в нем слышались жалобные, скулящие звуки.

Но я уже не обращал на поверженного противника внимания. Потому что боковым зрением увидел при вспышках выстрелов большое темное пятно справа, на светлом фоне фонтана, – пятно, которого там только что не было...

Вторая тварь! Подбирается незаметно и бесшумно!

Я выстрелил. И промазал... Тварь свернула в сторону, устремилась прочь от меня. На темном фоне кустов я тут же перестал ее видеть, выстрелил вслед наугад, ориентируясь по звуку...

Сгоряча ринулся было следом – вспомнил, что карабин пятизарядный, остановился, вставляя новую обойму. В отдалении раздался громкий треск – куда громче, чем от ломающихся веток и сучьев. Ограда? Быстро бегают, гадина, похоже, обе пули прошли мимо цели...

Вскоре подозрения мои подтвердились. Так и есть: тварь проломила старые доски насквозь, оставив неровную дыру. Преследовать ее в одиночку в зарослях кустарника, тянувшихся до самого берега Кети, я не рискнул. Дичь легко могла заложить петлю, затаиться и превратиться в охотника.

Хватит и одного трофея сегодняшнего ночного сафари. Сейчас посмотрим, что за зверюшки гуляют по ночному Лесогорску. Ясно, что не заурядные медведи, случайно забред-

шие из леса. Не знаю, охотятся ли косолапые парами, но внимательно следить за будущей жертвой, выжидая, когда она отвлечется, снимет прибор ночного видения... Для такого не звериный разум нужен.

Разберемся. Вскрытие покажет...

8

Увы, разобраться ни в чем не удалось. Ввиду отсутствия объекта вскрытия.

Там, где я оставил подстреленную тварь, луч фонаря высветил лишь кровавое пятно на траве.

Подобрав «ночной глаз», по счастью не пострадавший при падении, я начал методично обшаривать окрестности. Смертельно раненное существо не могло уйти далеко...

Напрасная надежда. Торопливые поиски на территории с всё более расширяющимся радиусом результата не принесли. Раны оказались не смертельными или, по крайней мере, не нанесли поражений, влекущих достаточно быструю смерть... Известно, что насквозь простреленный лось или кабан может уйти за много километров, оторваться от охотников и околеть лишь спустя несколько дней...

Стоит продолжить засветло, по кровавому следу. Ночью придется слишком долго отыскивать кровавые метки, обозначающие путь твари.

Разочарованный, я вернулся обратно, взял образцы кро-

ви. Хотя какой-то результат. Если и утром найти подранка не удастся, спецы Конторы определяют, с кем довелось столкнуться... Или хотя бы значительно сузят зону поисков.

Проходя мимо фонтана, я тоскливо улыбнулся, вспомнив, как чуть не обрушил град свинца на безвинную пионерку, и так уже безголовую...

Безголовою???

Я медленно снял «ночной глаз», еще медленней достал заткнутый за пояс фонарь, сдвинул кнопку...

Головы теперь имелись у обоих участников скульптурной композиции.

Шею пионерки венчал не торчащий острый обломок арматуры – в мертвенном свете фонаря я разглядел морщинистое лицо и голый череп, покрытый старческими пигментными пятнами... Потeki крови на алебастровой шее напоминали сюрреалистический пионерский галстук.

Глава 4

КУСОЧЕК СЫРА И ПУТАНАЯ ВОРОНА

1

Я долго размышлял, каким способом добиться беседы наедине, без свидетелей, с томящимся в КПЗ Васькой-Колымой. Официальных возможностей для таких самочинных следственных действий у меня – свидетеля и потерпевшего – не было. Использовать неофициальные возможности Конторы? Наверняка в Томске, в областной прокуратуре, имеются агенты влияния, а то и прямые креатуры. Но, во-первых, долго... Во-вторых, встает та же проблема: информация о поиске изменника может к нему же и попасть...

Не мудрствуя лукаво, я решил использовать весьма эффективный в российской действительности прием под названием «блат». Не зря же я, в конце концов, битый час рассказывал старшему лейтенанту Кружакову – дяде Грише – о екатеринбургском житье моей якобы матери...

Для пущего правдоподобия слепил легенду: дескать, все невеликие семейные драгоценности моя почившая тетушка хранила в укромном местечке – в тайнике, ныне опустевшем.

И я, мол, собираюсь побеседовать с Колымой по-простому, без протокола, – авось вернет похищенное в обмен на мой отказ обвинять его в вооруженном нападении...

На самом деле я намеревался предложить Ваське нечто большее – за информацию о заказчике... Предложить, если по какой-либо причине не удастся вколоть ему порцию «правдореza».

Но всё задуманное не пригодилось. И легенда, и тайные намерения, и шприц с сывороткой правды. Старший лейтенант Кружаков с утра находился на рабочем месте, не уехал куда-нибудь в дальний поселок расследовать какую-нибудь пьяную поножовщину – но сей факт оказался первой и последней моей удачей.

– Нехорошая история вышла, Серега... – Дядя Гриша посмотрел на меня странным взглядом – сочувствующим и испытующим одновременно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.